

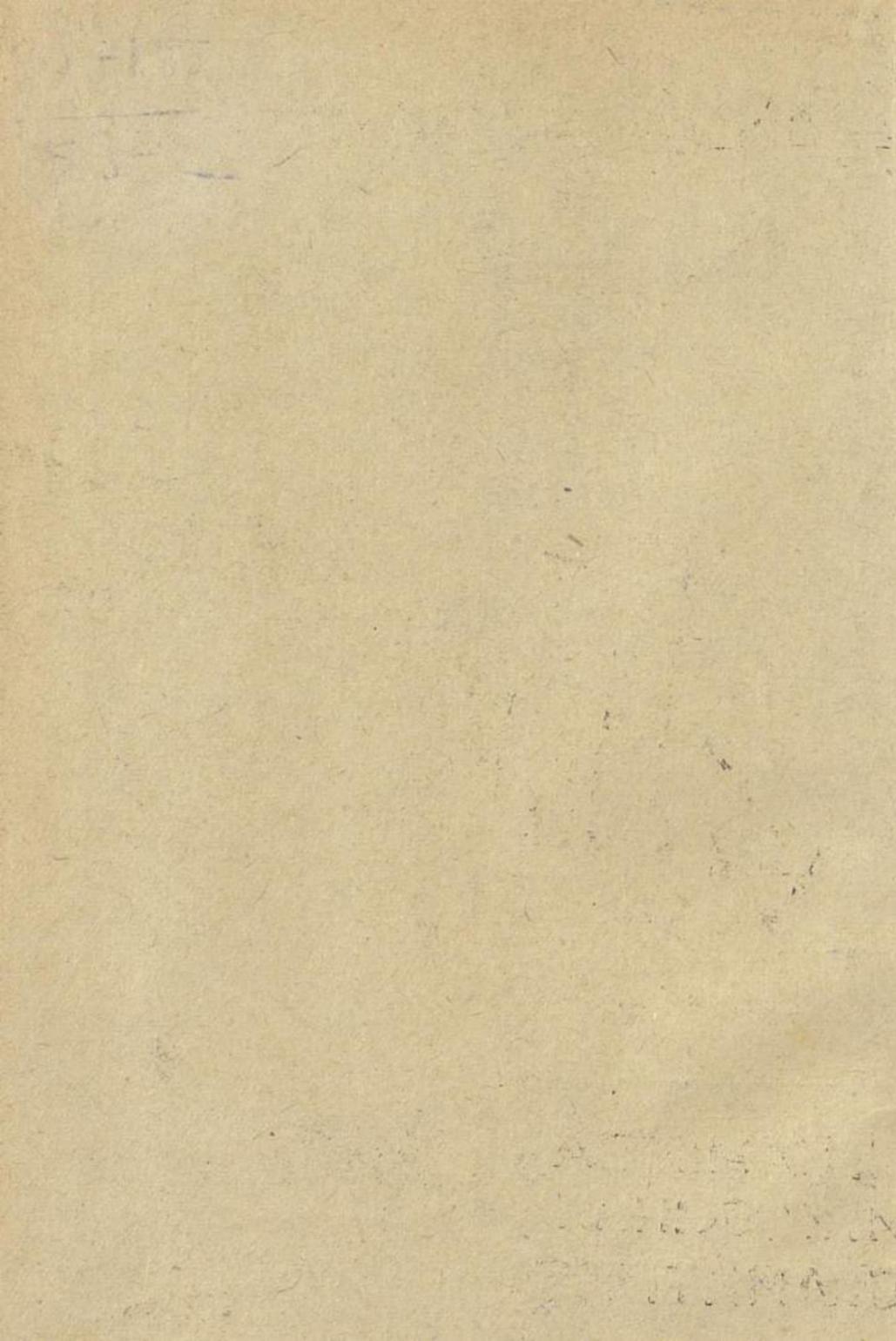

50 коп.

ПОЛЯРНОЕ МОРЕ

М. БАРШЕВА -
И. БОЫНИНА
С. ДМИТРИЕВ

ПОЛЯРНОЕ МОРЕ

РАССКАЗЫ О ХОЛОДНЫХ СТРАНАХ

ВЫПУСК I

СОСТАВИЛИ:

М. БАРШЕВА, И. БОБЫНИНА
и С. ДМИТРИЕВ

*Комиссией по учебникам при Главсоцгосе
допущено для школ I ступени*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Составленные нами сборники рассказов и очерков под заглавием „Рассказы о жарких странах“ и „Рассказы о холодных странах“ рассматриваются нами как библиотечное школьное пособие, дополняющее ранее составленную нами рабочую тетрадь — „Земной шар“.

Приступая к составлению сборников, авторы поставили себе задачей — дать учащимся материал для самостоятельного чтения, для бесед, докладов и звеньевой проработки географических тем, стоящих в программе. Если при этом наши сборники сделаются любимыми географическими книгами детей, то составители будут считать поставленную себе задачу выполненной.

В сборнике „Рассказы о жарких странах“ дается описание главных ландшафтов жаркого пояса, а в сборнике „Рассказы о холодных странах“ — Полярного моря и тундры. Вопросы о границе между тундрой и лесной полосой мы не коснулись, полагая, что этот вопрос подлежит рассмотрению в старших группах.

Для удобства пользования при звеньевой работе „Рассказы о жарких странах“ и „Рассказы о холодных странах“ разделены на выпуски.

Составители.

ЗА ЮЖНЫМ ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ.

ОХОТА НА КИТОВ.

С наступлением первых осенних месяцев три норвежских города — Ларвик, Тонсберг и Зандефиорд — точно просыпались от долгой спячки. Начиналось снаряжение китобойных судов, и в городках закипала жизнь. В течение многих лет жители их занимались исключительно охотой на китов. Эта охота производилась вначале в водах Северного Полярного моря. Но с каждым годом, благодаря неумолимому истреблению китов на севере, их становилось все меньше и меньше. Тогда норвежцы невольно стали подумывать о других морях, где они могли бы с новым успехом заняться охотой. Они начали снаряжать промысловые экспедиции в южные полярные моря.

Стоял конец ноября. Норвежское промысловое судно „Солнечный луч“ подходило к берегам Антарктиды. В это время здесь начиналось лето. Однако, чем ближе был „Солнечный луч“ к Южному полярному кругу, тем все резче и холоднее становился ветер. Совсем близко от парохода медленно проплывали, покачиваясь из стороны в сторону, мелкие льдины. А когда пароход зашел за линию Южного полярного круга, моряки начали переговариваться радиотелеграммами с другими судами, которые находились в здешних водах в поисках добычи.

— Когда вы прибудете к нам? — спрашивали их охотники с судов в порту Локрей.

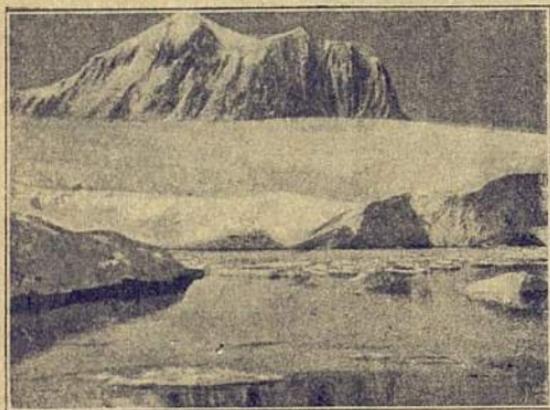
— Думаем через неделю, — отвечали с „Солнечного луча“.

— Какой предвидится улов? Что слышно про боты, которые уже на охоте? — в свою очередь спрашивали с „Солнечного луча“.

И получали ответы самые благоприятные.

Теперь все внимание капитана и судовой команды было обращено на огромные ледяные горы, среди которых лавировал пароход... Они, точно холодные белые стены, грозно надвигались со всех сторон... Неудачный поворот, минута замедления грозили гибелью.

В порту Локрей все охотники на китов переместились в китоловные боты. Вспомогательный бот представляет со-

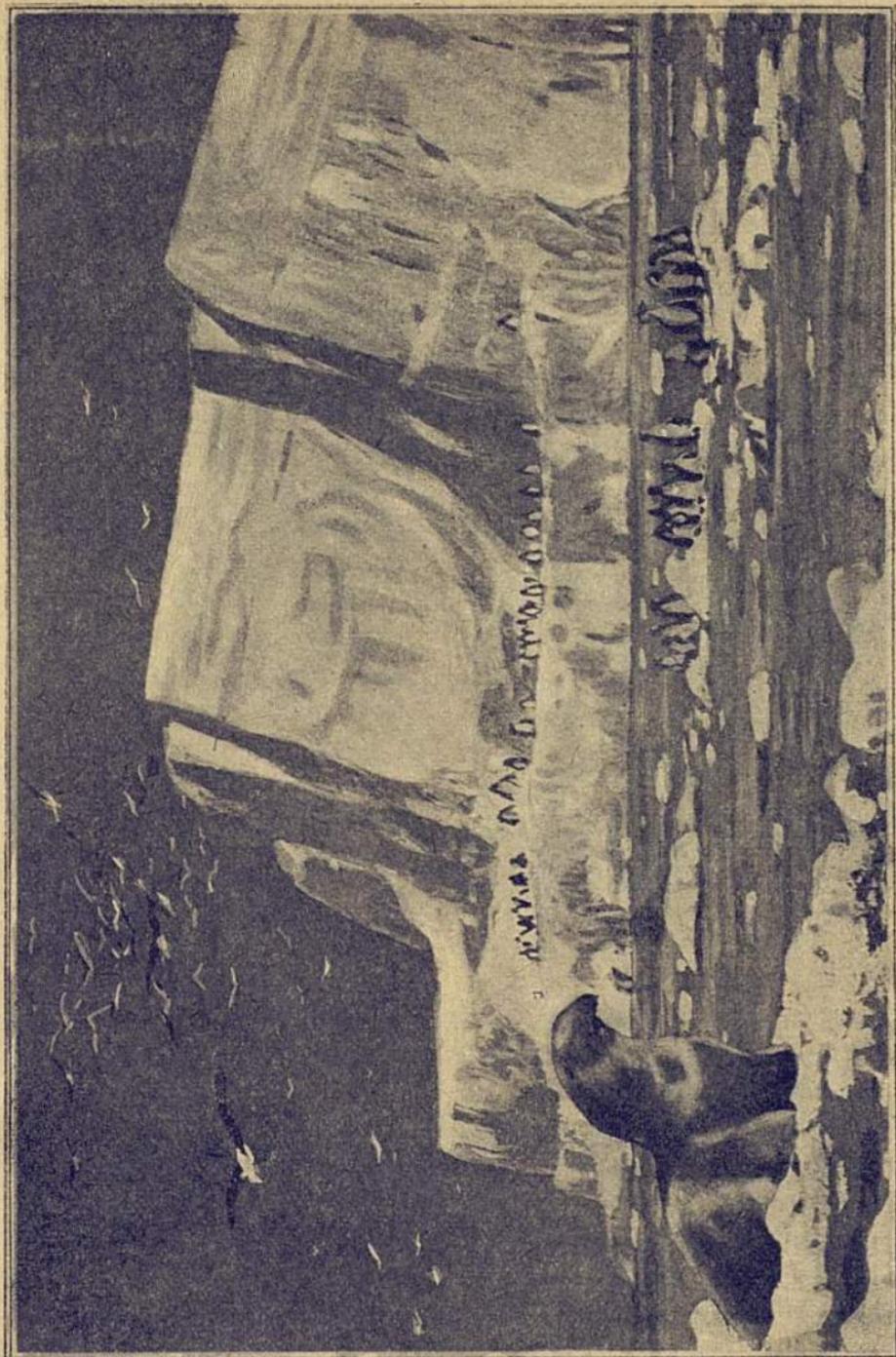
Порт Локрей. Глетчер, снабжавший нас пресной водой.

бой небольшой прочный пароход, специально построенный для охоты за китами. Его длина равна 40 метрам, он имеет очень сильную машину в 600 — 700 лошадиных сил и отличается быстротой. Команда его состоит из стрелка — он же капитан — и 10 сильных, опытных людей.

Время охоты на китов продолжается с конца ноября до начала апреля. Морьякам предстояло провести на океане целых четыре месяца.

Бот работал без перерыва. Только в течение нескольких часов, когда он забирал уголь, или когда наступали темные ночи, или мешала погода, — он отдыхал.

Как-то рано утром с борта заметили стадо китов. Киты спокойно плыли, без всякой поспешности, выбрасывая в воздух фонтаны воды. Три, четыре раза выбросив воздух, они погружались в глубину, оставались там пять минут, затем выплывали вновь, чтобы набрать воздух. Они пови-

Плавающая ледяная гора в Южном Полярном море. На переднем плане — морской слон, далее — пингвины и чайки.

димому не замечали бота, который подошел к ним довольно близко.

Стрелок стоял у гарпуновой пушки. Еще одно погружение в воду, и вот над поверхностью показалась широкая, блестящая синяя спина. Она находилась всего в 20 метрах от судна. Еще одно погружение... Но кит вдруг почувствовал опасность, он скрылся под водой... Однако вскоре он должен

Вельбот с добычей.

был вынырнуть на поверхность воды, чтобы набрать воздух. Раздался выстрел... Гарпун вылетел из дула пушки и впилился в тело животного. Спина его содрогнулась от боли... Кит бешено ринулся вперед, таща за собой бот. Он мчался прямо на ледяную гору... Еще минута — судно налетит на громадную глыбу и разлетится в щепки.

— Ребята, не зевай! — крикнул капитан: — Режь веревку!

— Есть! — хором ответили матросы.

Судно было спасено, но добыча ушла. Все охотники находились в волнении. Стрелок направил бот в ту сторону, где, по его мнению, должен был вынырнуть кит. Вдруг перед судном вылетели водяные столбы в 60 метров высоты и показались блестящие спины двух китов. Раздался выстрел. Опять вылетел гарпун... Взрыв снаряда... Киты бросились в разные стороны. Но гарпун попал в одного из них. Выстрел был настолько удачен, что животное сразу ослабело и почти не двигалось. Второй кит повернул и по-

плыл рядом с подстреленным товарищем. Он недоумевал, что случилось с его другом. Казалось, он с любопытством следил, что будет дальше. Но вот убитый кит стал медленно погружаться в воду. Тогда и второй кит погрузился в воду и уж больше не показывался.

С помощью ворота, установленного на боте, кита медленно стали поднимать на поверхность. В его тело глубоко запустили насосы и стали накачивать воздухом. Это делалось для того, чтобы кит не мог погрузиться в воду. Потом в него воткнули норвежский флажок, чтобы другие охотники знали, чья это добыча, и спокойно оставили на воде, а сами снова начали охоту.

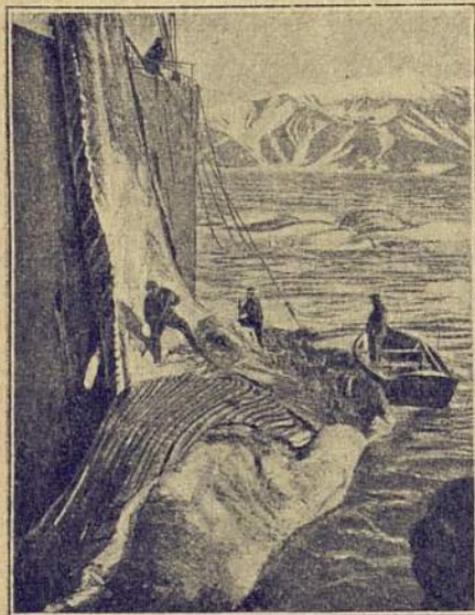
На следующий день на океане разразилась буря. Небо и волны, казалось, слились в одну грозную неумолимую стихию. Огромные волны и взлеты пены застилали собой ледяные горы. Ничего нельзя было разглядеть даже на несколько метров. Наконец к вечеру буря стихла. Полным ходом судно направилось опять к югу. Неделю назад дорога сюда была преграждена сплошной баррикадой из льда. Но буря разломала лед. Через час пути перед охотниками открылось великолепное зрелище.

Стадо в 14—16 китов резвилось всего на километр от берега. Они были кругом судна, выбрасывая фонтаны воды. Вода падала и рассыпалась в мелкие брызги, как искры в фейерверке. Бот со своими 700 лошадиными силами казался таким маленьким и ничтожным среди этих огромных животных. Несколько китов отделились и ушли, остальные начали как бы дразнить охотников. Они то всплывали на поверхность, то погружались в воду, но не подпускали себе на пушечный выстрел. Стрелок круто повернул бот на всем ходу, так что бот накренился и нос его обдало пеной. Бот встал.

Такой маневр был для китов полной неожиданностью. Они бросились в разные стороны. Но один из них оказался более неповоротливым. Животное не догадалось, что одним

ударом хвоста оно могло бы раздробить судно. Кит стал добычей охотников.

Укрепив мертвого кита крепкими железными цепями к борту парохода, охотники направились на север, чтобы найти пойманных раньше и чтобы до наступления темноты добраться до места стоянки.

Разделка кита. Вдали флотилия из убитых китов.

В полярных водах Юга за летний сезон убивают до 10 000 китов. Пойманная добыча оценивается в несколько десятков миллионов рублей. Из китов извлекают ворвань (жир) и китовый ус, т. е. длинные роговые пластинки, находящиеся во рту кита.

В Северном полушарии к востоку от полуострова Камчатки также производится охота на китов. За год иностранными и советскими судами добывается до 400 китов.

Истребление китов привело к тому, что в морях Северного полушария их осталось очень мало. Недалеко то время, когда и в Южном полушарии их будет так же мало. И киты могут совсем исчезнуть с лица земли, если не будет издано запрещение их хищнического истребления.

НА КРАЙНЕМ ЮГЕ.

Недалеко от стоянки охотников находился скалистый плоский остров. На нем собирались пингвины¹.

¹ Пингвины принадлежат к плавающим птицам; передние конечности вместо перьев покрыты чешуйками.

Как-то раз охотники увидели интересное зрелище. Стая старых пингвинов с громким криком и гоготаньем подталкивала молодых птенцов к воде. Молодежь видимо боялась воды, не хотела идти, и поворачивала обратно. Тогда родители набегали на них, давали им оплеухи и заставляли подчиняться. Так они приучали своих неразумных детей к чистоте и опрятности.

Город пингвинов.

Между тем около места, где собирались пингвины, притаился морской леопард¹: он подстерегал добычу.

Один из юных пингвинов, ничего не подозревая, булькнулся в воду. Леопард мгновенно схватил его, содрал с него кожу и проглотил. Это событие скоро стало известным всему лагерю птиц. Они подошли к берегу большой толпой и начали напряженно и подозрительно всматри-

¹ Из отряда ластоногих, к которому принадлежат также и тюлени.

ваться в воду. На берегу было так тесно, что некоторые пингвины скатились в воду. Двух-трех из них постигла участь

Пара снежных курочек.

их юного товарища. Это не ускользнуло от внимания всей толпы, и пингвины быстро повернули от берега. Над островом часто кружили большие птицы. Они имели острый загнутый клюв и такие же когти. Эти птицы принадлежали к породе чаек. Они видимо были очень воинственны. Со всеми животными они вступали в драку, клевали пингвинов и с жадностью набрасывались на падаль. Когда охотники высаживались и предпринимали прогулки по острову пингвинов, птицы непрерывно кружились над их головами. Они издавали яростные крики и громко хлопали крыльями. А когда охотники приближались к гнезду, птицы пытались даже нападать на них.

В другой раз охотники наткнулись на большое животное. Оно спокойно лежало у берега. Один из охотников по имени Кнут быстро подбежал к животному и толкнул его ногой. Но животное продолжало лежать.

Морские собаки в Полярном море не боятся человека.

— Это морская собака¹, — сказал другой охотник, Генрих, — она очень миролюбива, и ее трудно вывести из равновесия. Здесь, где нет лошадей и экипажей, морские собаки незаменимы.

Кнут быстро повернулся и сел на спину морской собаки. Но и это видимо не подействовало на животное. Тогда охотники привязали к задним плавникам и к хвосту животного канат, а другой его конец прикрепили к легкому ялику. Морская собака помчалась с такой быстротой, что пена летела вверх.

Не один раз охотникам приходилось наблюдать с палубы парохода, как раскалывались ледяные горы. Однажды совсем близко разломилась исполинская гора. От нее откололась часть, а у другой части вследствие этого передвинулся центр тяжести, она потеряла равновесие, и вот огромная масса льда опрокинулась в воду. Затем из воды показалось совершенно новое образование. От всплывшей горы снова откололась часть, и остальная дробилась при оглушительных громовых ударах. В несколько минут вся вода кругом парохода пришла в движение.

Последний день в порту Локрей. Кит, греющийся на льдине под лучами солнца. За льдиной виден „Солнечный луч“.

Но вот понемногу все успокоилось. Перед охотниками выросли новые горы с ледяными башнями и лестницами.

Одна неделя сменялась другой. Китоловный бот работал без передышки. Но с каждым днем становилось заметно холоднее.

¹ Из отряда ластоногих.

И наконец в один ясный день „Солнечный луч“ покинул свою стоянку и направился к северу в обратный путь.

На пароходе было шумно и весело. Охотники были довольны уловом.

ЗА СЕВЕРНЫМ ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ.

ВСТРЕЧА С „ЛЮБИТЕЛЕМ АВИАЦИИ“.

Мы спустились. Спустились на небольшую тонкую льдину, и если бы не лыжи, самолет сразу провалился бы сквозь лед. Но лыжи к счастью помогли.

Снизившись, мы немедленно оттащили хвост самолета от опасного места; поставили на более толстый лед.

Сейчас же после посадки нас навестили обычные гости — медведи. На этот раз их была целая семья: пять больших забавных белых животных. Нам и в голову не приходило заняться бесцельной в наших условиях охотой. Но подпускать их близко к самолету не следовало — они могли погнуть рули, попортить плоскости. Мы пустили несколько ракет. Испытанный способ подействовал, звери ушли.

Однако часа через полтора один из них, не то наиболее любопытный, не то посланный своими товарищами, набравшись чрезвычайной, совсем не свойственной белому медведю храбрости, подошел вплотную к самолету, жадно его обнюхивая. Я вышел из кабинки на плоскость и поднял дикий крик, энергично размахивая руками. Голос у меня зычный, руки длинные, испугался бы кто угодно. Но белый гость не испугался. Совершенно безмятежно он лег на лед в удобной позе, положил морду на лапы и смотрел на меня, как старый добрый друг, встретившийся со мной после долгой разлуки. Даже как будто некоторая любовь светилась в его узких глазках.

Что же тут с ним сделаешь! Стрелять не хотелось, ракеты на него не действовали. Потом наши „малыгинцы“ рассказывали, что им удалось прогнать медведя, размахивая портянками, но я до этого способа не додумался.

Тогда я решил превратиться в кинооператора и попросту заснять нашего приятеля. Автоматическая кинемо у меня в руках, и я приступил к съемке, снимая моего приятеля в упор. Треск кинемо несколько смутил медведя. Он вскочил, повернулся, отбежал на 10 шагов, прыгнул в сторону, потом остановился, обернулся, посмотрел на меня, и, словно передумав, медленными шагами направился к прежнему месту. Я никак не мог понять, что привлекало его. Неужели простое любопытство?

Все же оставлять этого симпатичного зверя вблизи самолета не хотелось. Конечно на льдине развлечений мало, особенно когда бензина нехватает и с продовольствием не густо! Медведь мог бы нас несколько позабавить. Но с другой стороны не совсем безопасно. Кто их знает, этих медведей! Наш друг мог оказаться любопытным не в меру. Вдруг ему придет в голову учиться авиации. Поломает он нежные части самолета, потом спрашивай с него.

Значит нужно его спугнуть. Грошев зарядил ракетницу и выпустил все три ракеты, одну за другой. Но медведь не торопился уходить. Он медленно и с явной неохотой отступил лишь после третьей ракеты. Покружился вокруг нас, зашел к другой стороне самолета и шагах в ста от нас сделал привал. Лег на снег, свернулся по-медвежьи или по-собачьи, уткнулся носом в лапы, и лежал так битых полтора часа. Нам это надоело. Во всяком случае летной пропагандой среди медведей мы не собирались заниматься. Однако убивать не хотелось. Решили пугнуть посильнее. Зарядили винтовку и выстрелили. Пуля прожужжала у медведя над ухом.

Расчет оказался верным. Пуля ошеломила медведя, он вскочил и пустился наутек.

У ПОВЕРЕЖЬЯ МУРМАНА И БЕЛОГО МОРЯ.

ПРИРОДА И ПРОМЫСЛЫ.

По Северному Полярному морю плавают льды. Льды эти огромны. Большой морской пароход кажется перед ними игрушкой.

Морские льды встречаются или в виде огромных льдин или в виде ледяных полей. Льдины поднимаются над водой метров на 40, 60, а иногда еще [выше. Подводная часть

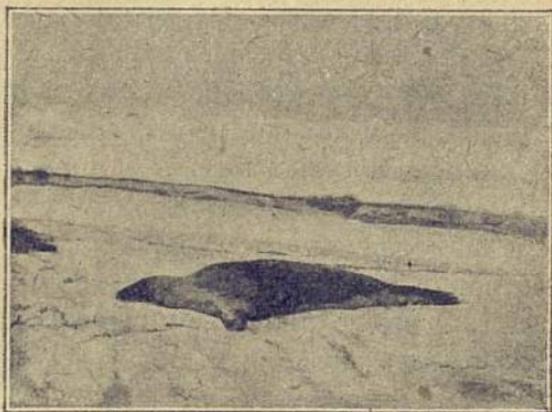

Поморы.

их бывает в несколько раз больше надводной. Льдины плывут по морю с шумом и треском. Часто они сталкиваются друг с другом. Беда, если пароход попадет между ними: они могут совсем раздавить его.

Ледяные поля бывают длиною в несколько десятков километров. Они плывут тихо, неслышно. Если пароход не успеет уйти от них,

они затрут его между собой и понесут вместе с собой дальше, куда их гонит морское течение. Эти огромные плывучие ледяные поля и льдины загромаждают Северное Полярное море 9 месяцев в году. Только во время трех летних месяцев льды морским течением и ветром уносятся от берегов далеко на север. И только тогда море становится доступным для плавания судов.

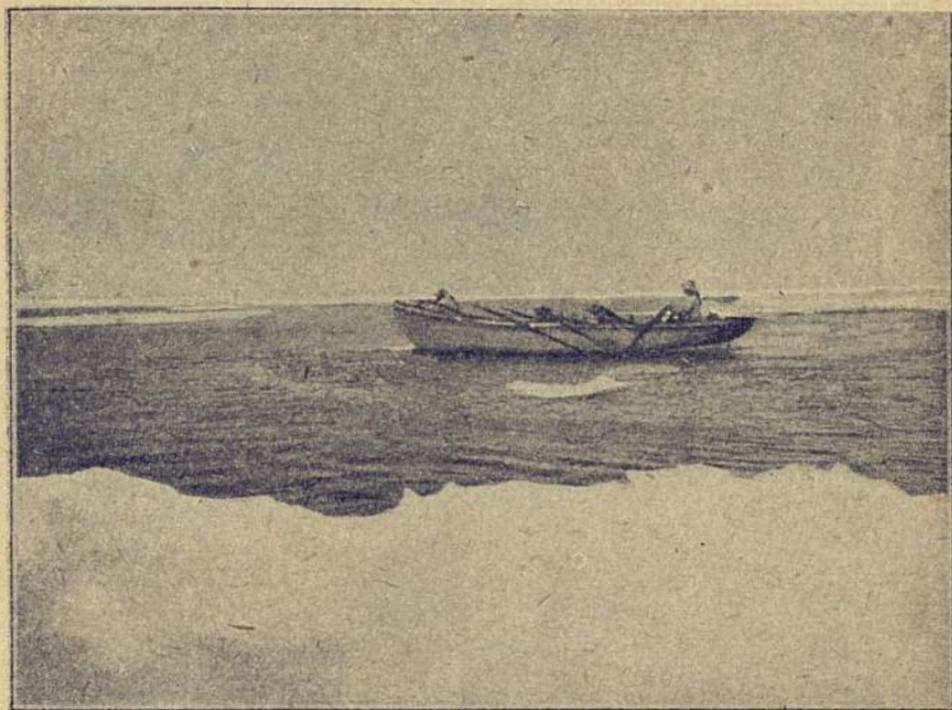
Тюлень — самец.

Северное Полярное море богато рыбой и разными морскими животными. С давних пор существует здесь рыбная ловля и охота на морских зверей.

Всего в год у побережья Мурмана и Белого моря вылавливается рыбы около 15 000 тонн. Между тем исследо-

вания здесь рыбных богатств показали, что добыча может быть увеличена в десять раз.

В настоящее время у Мурманского побережья и в Белом море имеются государственные рыбные и звериные промыслы. Лов рыбы производится не с парусных, а с моторных судов. На дно океана опускаются большие мешки, которые тянутся по дну за пароходами. Этот способ называется

Осторожно приближаются к лежбищу.

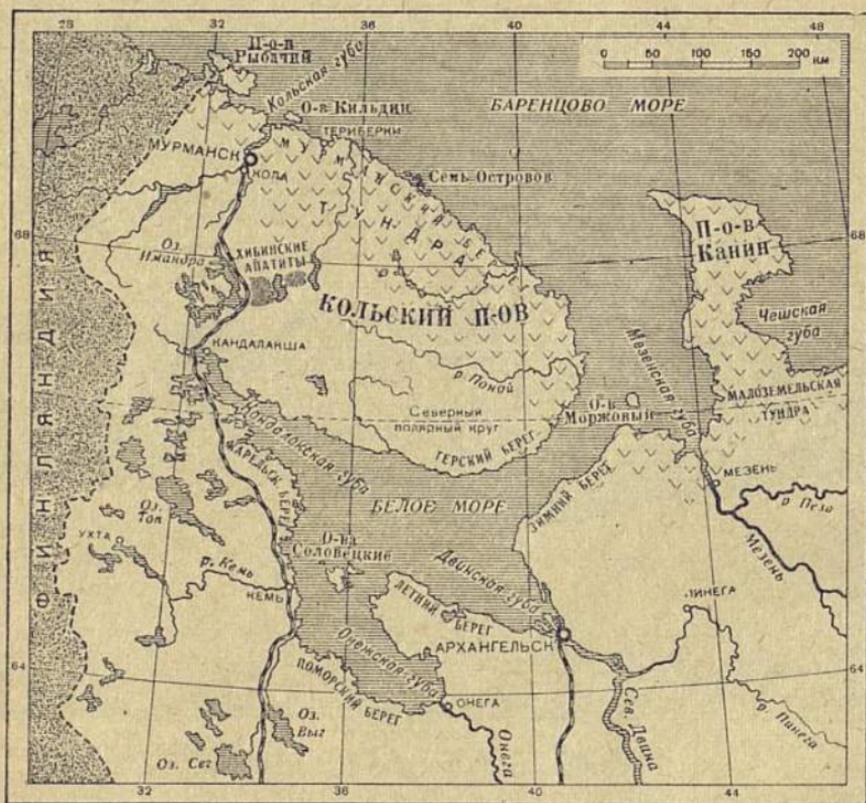
тралловым. Тралловая ловля рыбы безопаснее, дает большие результаты и давно уже применяется норвежцами и англичанами.

Для траллового промысла в настоящее время советскими рыбными трестами сооружена в Мурманске база для заготовки рыбы. Там, где два года назад было пустое место, теперь — заводы и поселки для рабочих.

НЕДЕЛЯ НА ОСТРОВЕ КИЛЬДИНЕ.

Остров Кильдин¹ с открытого океана похож на древний замок. Отвесные скалы с откосами к морю кажутся башнями.

Остров Кильдин тянется в длину на шестнадцать километров, и до Кильдинского становища, расположенного в неглубокой бухте в конце острова, я шла часа два

Карта морей, где сосредоточены рыболовство и охота на морских зверей нашего Севера.

В становище было всего около сорока домов, расположенных в два ряда, лицом к бухте. Среди них выделялись

¹ Небольшой остров Кильдин находится близ Мурманского побережья на один градус восточнее Мурманска.

школа, изба-читальня и кооператив. Радио для Кильдина — огромное событие. В полярную зимнюю ночь, надолго отрезанный бушующим морем от остального мира, рыбак переносится мысленно в далекие, культурные города.

Я решила зайти в первую попавшуюся избу, к рыбакам. Вошла и почувствовала, что уйти обратно не могу.

В избе было тепло, топилаась чугунная печка-плитка. Крашенные пол и стены, чистенькие занавески на окнах

Остров Кильдин.

и опрятная чистая кровать говорили о довольно культурных обитателях.

— Можно будет у вас недельку пожить, — до следующего парохода? — обратилась я к поднявшейся мне навстречу хозяйке, немолодой женщине в синем ситцевом платье.

— Что ж, поживи, — у нас случается живут, — ответил мне за нее сидевший у стола мужчина с коричневым морщинистым лицом и небольшой бородкой. Это был старый мурманский рыбак, закаленный солеными ветрами Северного моря.

— Нас семья-то небольшая, да вон Тимошка с Тузиком, — приветливо улыбаясь, заметила хозяйка, указывая глазами на кровать. Там, мирно обнявшись, спали огромный серый кот Тимофей и маленькая пестрая собачка.

Через минуту я уже сидела за столом с шумевшим самоваром, блюдом баранок и разварной свежей рыбой.

Старый рыбак, сначала угрюмый и молчаливый, мало-помалу становился все разговорчивей и разговорчивей.

— С двадцати пяти лет все на море, — говорил он, — а теперь мне под шестьдесят, вот считай, сколько лет промышляю.

— Видал виды, Михайловна, — продолжал старик моряк после некоторого раздумья. — Около двух лет жил в Норвегии. На спасательном боте три года служил; не один раз смерть видел перед глазами, — и как бы в подтверждение своих слов он достал из шкапа потрепанную книжечку, любовно открыл страницу и указал огрубевшим пальцем, где нужно читать. Там прежде всего бросилась в глаза сочно подчеркнутая карандашом фамилия: „Калинин“. Я с интересом пробежала книжку. Это была брошюра „О спасательных станциях на Мурмане“, и там при описании сильнейшего шторма в 1903 г., когда бот волною был брошен кверху килем, упоминается отважный матрос Калинин, стоявший на вахте. А через страницу снова стоит фамилия Калинина, спасшего с риском для собственной жизни погибающих рыбаков. Я пристально посмотрела на суровое изборожденное морщинами лицо хозяина, и мне живо представился молодой бравый матрос, в легкой шляпке бросающийся в бушующее море, откуда между порывами ветра раздавались крики о помощи.

Незаметно прошла неделя моего пребывания на Кильдине.

Почти неделю рыбаки сурово смотрели на море, почти неделю ждали они, когда утихнет северный ветер и можно будет отправиться на промысел. Наконец ветер изменил направление. Сразу стало тепло, на ярком солнце засвер-

кали на горах снежные пласты, с гор живее понеслись водопады. Становище сразу оживилось. Несколько парусников отправились за наживкой. Спали в эту ночь немного. С наживкой вернулись рано утром и принялись готовить к отходу в море яруса.

В этот день почти у каждой рыбацкой избы можно было видеть двух-трех девушек в красных платочках, проворно надевающих молодыми гибкими пальцами на крючки ярусов мойву, небольшую рыбку с серебристо-лиловой спинкой.

На следующий день я должна была уехать на пароходе, идущем из Архангельска в Мурманск. Вместе с другими вышла на берег проводить рыбаков. Вот мой хозяин уже на своей голубой еле, стоящей на рейде. Он снял якорь, развернул парус, и ела быстро побежала вдоль темных гранитных берегов к сверкающим золотом далям. В память четко врезался старый моряк с коричневым морщинистым лицом на голубой еле.

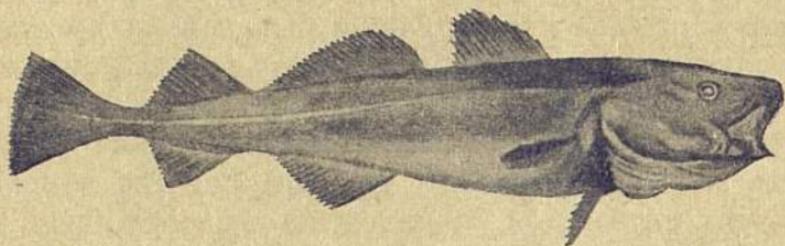
НА ЛЕДОКОЛЬНОМ ПАРОХОДЕ „СИБИРЯКОВ“.

У берегов Мурмана проходит теплое морское течение Гольфштрем. Море здесь никогда не замерзает. Сюда приходит большое количество трески и сельди.

В становище „Золотая“ матросы ледокольного парохода „Сибиряков“ ловили треску на поддев. Предлинная крепкая бечева с большим металлическим крючком и грузилом опускается с корабля на дно моря. После нескольких вздергиваний бечевы уже чувствуешь, что зацепил рыбу. Вытаскиваешь из воды бечеву, и на ней — треска весом до двух килограммов. Трески так много и, как говорят поморы, она так глупа, что без наживки (приманки) идет на крючок, играя с ним, как с блестящим привлекающим внимание предметом.

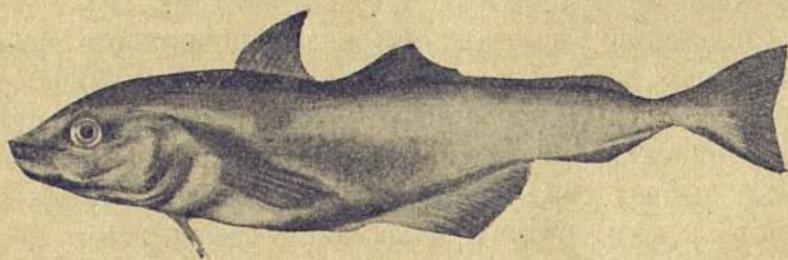
Самое крупное становище по Мурманскому берегу — Териберки. Оно расположено в хорошо защищенной от ветров глубокой бухте. В Териберках — электрическое освещение, телеграф, двухэтажные постройки и маленький уни-

версальный магазин. В Териберках реже встретишь человека, чем рыбу. Тресковые головы тысячами штук сушатся на улицах становища, подвешенные на перекладинах; особый, терпкий запах сушеной трески одуряет с непривычки. Сухую треску варят и иногда перемалывают на муку, которая идет в пищу вывезенным на Север коровам.

Треска. Рыбные промыслы у Мурманского побережья.

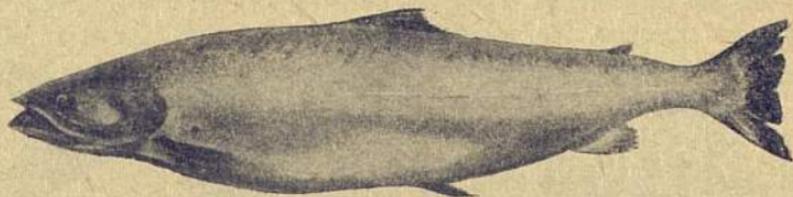
Деревянные дома Териберок стоят на правильно распланированных улицах. Основное население — колонисты, а поморы приезжают сюда лишь на сезон для ловли трески, сельди и пикши. На реке Териберке, возле водопада, ловят заходящую сюда семгу, или семужку, как ее здесь ласково называют поморы.

Пикшуй, или пикша. Рыбные промыслы у Мурманского побережья.

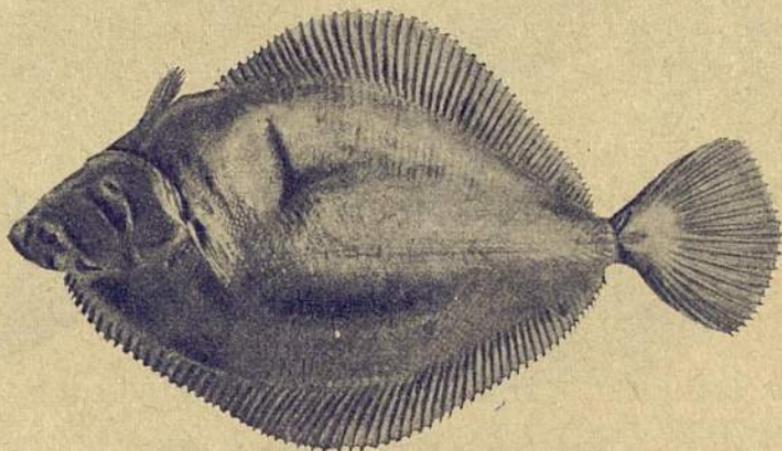
„Сибиряков“ стал на якорь близ Териберской пристани в тот день, когда в становище была большая радость. В бухту зашла тьма-тьмущая сельди и переполюшила все становище. Мертвый пустынный берег вмиг ожил, едва только пришла первая весть о сельди. Карбасы, вышедшие с сетями, нагрузились уловом по края бортов. Сеть,

которую закидывали сразу два карбаса, тянули на берег поморы за концы, по-бурлачье, пригибаясь под тяжестью морских даров. Когда сеть с пойманной рыбой подходила к берегам, вода в мыло пенилась от тысячи пойманных сельдей, не желавших расставаться с морем. Сельдь не-

Семга. Семга ловится в устьях рек нашего Севера.

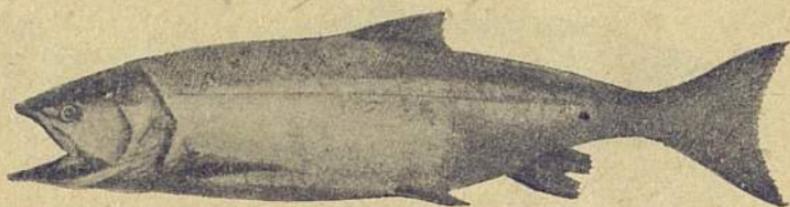
больших размеров идет на продажу, но случается, что ею наживляют яруса для ловли трески. Это бывает в тех случаях, когда трудно или негде достать мелкую рыбешку — мойву. Треска здесь доходит до полутораметрового размера.

Камбала. Рыбные промыслы у Мурманского побережья.

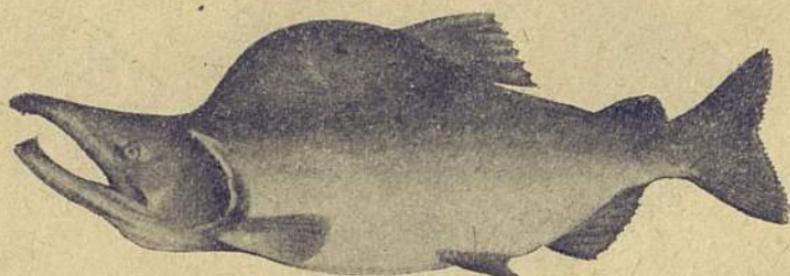
К вечеру сельдь из Териберок ушла в неизвестном направлении, и, к огорчению поморов, попадалась только мелкая пикша, которую поморы выбрасывали из сетей либо в море либо на берег как ненужную, хотя уха из мелкой пикши преславная.

С развитием авиации охота на тюленей принимает колоссальные размеры. Раз в год тюлень приходит в горло Белого моря откуда-то с крайнего Севера (путь его точно никем не прослежен). Ледокольные пароходы, промысляющие зверя (так здесь зовут тюленя), снабжены всеми тех-

Кета-самец из Охотского моря. Рыбные промыслы Дальневосточного края. ническими приспособлениями для организованной охоты на тюленя.

На самой верхушке фокмачты укреплена бочка — наблюдательный пункт за зверем во время охоты. На палубе парохода — площадка с аэропланом. Когда летчик обнаружит лежку зверя, то сообщает по радио о местонахождении

Горбуша-самец из верховьев Амура.

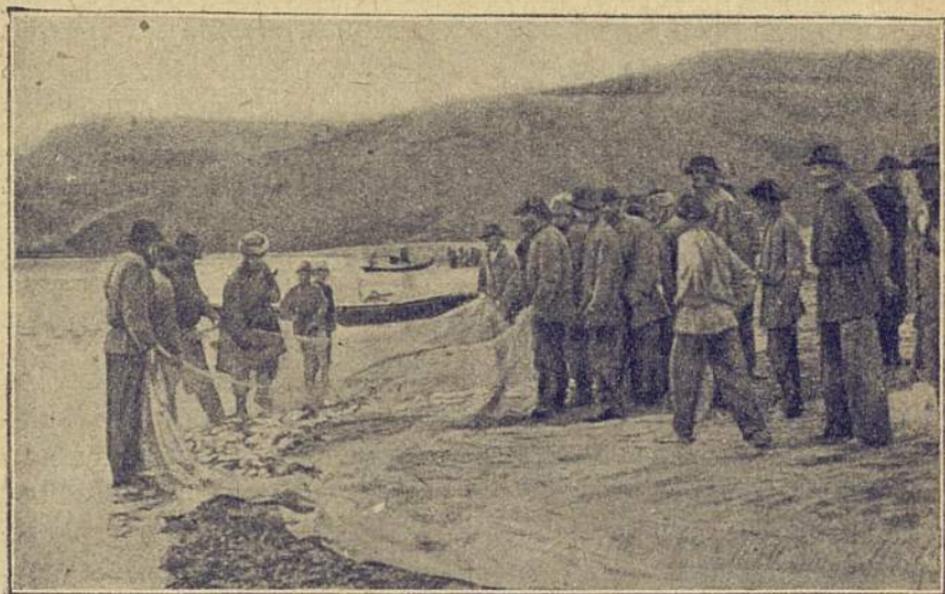
тюленя, и редкому зверю удастся уйти от зверопромышленников. На два рейса в год один только „Сибиряков“ наблюдает в свои трюмы до 40 000 тюленей.

Тюлени очень любопытны. Когда за тюленем, раненым, но уползающим со льдины, гонится зверопромышленник, очень часто крик зверобоя останавливает зверя, он поворачивает

на крик свою маленькую голову и падает жертвой любопытства. Зверопромышленник бьет его наповал.

Не всегда море дает богатую добычу и не всегда возвращает живым зверопромышленника на берег. Волны прибое выбрасывают иной раз только его распухшее тело. В каждую охоту на тюленей что-нибудь да случится.

Зимой этого года артель зверобоев выступила с острова Моржовца на лед. Старший артели послал зверобоя Лукина

Ловля трески на Тихоокеанском побережье.

на разведки, узнать, где лежат тюлени. Пока тот бегал, льдину оторвало ветром от берега и понесло течением. На льдине Лукин встретился еще с одним зверобоем, который отстал от товарищей, гоняясь за зверем. Зверобои стали кричать, звать на помощь, а льдина продолжала удаляться от берега. Полтора часа носило ее с промышленниками около маяка. Потом вдруг понесло в открытое море. Кругом плавал битый лед, выбраться было невозможно. На четвертые сутки над зверобоями пролетел самолет,

но не заметил несчастных. Вскоре не стало видно и земли.

Восемь суток они плавали без всякой пищи и ели снег при сильной жажде. На девятые сутки убили зверя и пили кровь. В тот же день увидали снова самолет. Он заметил их, облетел кругом и бросил кулек с сухарями, табаком и спичками. Затем быстро слетал на остров Моржовец и снова сбросил зверобоям пакет с теплой одеждой, валенками и продуктами. Продуктов хватило на четверо суток. Целых двенадцать дней зверобои мокли в воде до костей. Ноги в малицах обмерзли и обледенели. На тринадцатые сутки утром подошел ледокол „Седов“ и взял на борт обессиленных зверобоев. Долго лечились зверобои в Мурманске. У Лукина отрезали на правой ноге два пальца, и сейчас он плохо ходит, а у товарища его пострадала правая нога.

Таких случаев много, и заканчиваются они иной раз более печально.

АРКТИКА.

Скажу несколько слов об Арктике, — Арктике летом. Еще недавно — нынешней весной — наблюдал я на острове Моржовец, как долгая зимняя полярная ночь уступала место полярным летним ночам. Эти ночи вначале напоминали ленинградские белые ночи, потом все быстрее и быстрее солнце побеждало тьму, и уже к окончанию зверобойного промысла в горле Белого моря в середине мая можно было свободно работать ночью без огня. Теперь на „Малыгине“ в Баренцовом море мы живем в непрерывном солнечном дне, — здесь солнце не заходит. Без привычки иной раз трудно разобраться, что сейчас — утро или вечер. Выходишь на капитанский мостик к компасу и, только справившись, в какой части света находится солнце, определишь — день или ночь.

Первое время вы не в состоянии уснуть, когда непрерывно светит солнце. Вы мучаетесь от бессонницы, чего-то ждете, чего-то вам нехватает, и наконец на вторые или третьи сутки сваливаетесь на койку и спите, как убитый.

Однажды после долгой изнурительной работы участник нашей экспедиции летчик Сергеев решил отдохнуть. Было 11 часов ночи. Он спустился в свою каюту, зажег электрическую лампочку, чтобы создать иллюзию вечера, и с книжкой в руках лег на койку. Вскоре он заснул. Затем летчик Сергеев проснулся и подумал, что не годится спать в одежде. Часы показывали 12. Он решил, что проспал только один час, разделся, снова заснул и проспал до 10 часов. Тогда он решил, что поспал достаточно — одиннадцать часов. Оказалось однако, что летчик Сергеев проспал 23 часа.

В кают-компании ледекола всегда можно было застать за столом несколько человек. Выйдя после сна, вы садитесь за стол и начинаете присматриваться к тому, что делают окружающие, чтобы сообразить, какое сейчас время дня либо ночи. Товарищи быстро догадываются о вашей беспомощности, над вами шутят, подсмеиваются. Но этот смех товарищей несколько не раздражает. Вы хорошо понимаете, как в самом деле смешно, когда человек долгое время не может определить, в какой час суток он живет. Вы и сами начинаете над собой смеяться вместе с другими.

Все это делает солнце Севера. Оно светит ослепительно.

Вот вы жмуритесь от солнца на капитанском мостике. Перед вами, куда ни взглянешь, беспредельный ледяной простор, на котором раскинуты тут и там, возвышаясь причудливыми очертаниями, ледяные горы всевозможных форм. Мы называем эти ледяные утесы и горы пирамидами. Хотя вряд ли они похожи на египетские пирамиды. Прекрасна и незабываема ледяная пустыня, где яркий белый свет сливается с изумрудным цветом льда!

Тишина, белое безмолвие пустыни... Оно тянет тебя, захватывает, пьянит, почти околдовывает. Смотришь на него часами, а кажется не прошло еще минуты.

Вот где-то далеко, очень далеко, на линии горизонта, словно на краю земли, появилось черное пятно, маленькое, но отчетливое. Берешь бинокль, всматриваешься и видишь ясно: из проруби высунулся тюлень. Он осторожно осмат-

ривается: не притаился ли в этих белых льдах его вечный враг, его мощный соперник — медведь, который умеет неслышно подкрадываться к черному тюленю на своих широких мягких лапах. Долго и тщательно смотрит тюлень, и только убедившись, что он один, что никто ему не угрожает, подымается он из проруби, ложится на лед и неуклюже нежится на солнце, хлопая себя по бокам ластами.

Несмотря, повинаясь упорным лучам солнца, лед медленно расходится. Появляются большие продольные и поперечные трещины, обнажается вода. Стаи чаек летают над трещиной, машут белыми крыльями, ниже и ниже кружатся над водой. Это не любопытство и не игра: чайки охотятся за добычей; они высматривают, не мелькнет ли в воде неосторожная рыбка, осмелившаяся поиграть на солнечном воздухе. И вот вода зарыбилась. Но едва рыбка сверкнула над водой, едва глотнула воду и воздух — короток был ее глоток: чайка уже быстро и уверенно снизилась, точно планер, летящий вниз, и рыбка у нее в клюве.

Но что это? Только что было солнце, и вдруг оно исчезло. Страшный полярный туман прикрыл солнце, нависнув плотным глухим покровом. Белое переходит в томительно серое; перед глазами пелена. Еще тихо, но в этой тишине сначала слегка, а потом все злее и упорнее свистит ветер. За ветром снег. Он падает вначале мокрой пылью, затем хлопьями, вдруг, словно вверху случился обвал, снежная лавина несется вниз, а небо кипит, как снеговой вулкан, изрыгая потоки мокрого снега: мы в пурге.

Горе тому, кто застигнут пургой на льду. Снег залепляет глаза, плотной мокрой ватой закрывает уши, проникает во все складки одежды, — снег втягивает вас в себя, как зыбучий песок. Вы хотите итти, бежать, но от него не спастись, он мчится за вами, настигает. Вы ничего не видите кругом. Да и что можно видеть в этой неистовой пляске снега? И нет никаких звуков; только упорно скрипит под напором ветра лед. И вот льдины ломаются, лезут

на вас, напирают, встают стеной, того и гляди лед вас затрет, снег засыплет, и не останется следа, что здесь был когда-то человек.

Но вы не на льду, вы на ледоколе, с вами товарищи. И вы знаете, что солнце еще будет. И каким прекрасным оно кажется, когда снова появляется после пурги! Вы снова сильны и бодрь, вы снова чувствуете себя не игрушкой безжалостной снежной стихии, а человеком, который умеет бороться и побеждать.

В БОРЬБЕ ЗА ПОЛЮСЫ.

ПУТЕШЕСТВИЕ К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

РОБЕРТ ПИРИ.

Долго никто не мог достигнуть полюсов — ни Северного, ни Южного.

Многие пытались пробиться сквозь льды, но возвращались измученные, иные же не возвращались вовсе.

В 1909 г. американский моряк Роберт Пири сделал попытку добраться до полюса.

Достигнув на пароходе „Рузвельт“ крайней северной точки Америки, мыса Шеридан, Пири решил здесь остановиться и перезимовать. Итти немедленно к полюсу было нельзя, так как приближалась зима, а до полюса оставалось еще 850 километров — необозримое пространство океана, сплошь покрытого плывучими льдинами.

Пароход ввели в безопасное место, где его не могли раздавить льды, и стали разгружать.

Прежде всего высадили собак. С какой радостью они стали носиться и прыгать, попав опять на землю после 18-дневного пребывания на пароходе.

Потом сложили на берегу туши моржового и тюленьего мяса, каменный уголь, керосин, спирт и другой тяжелый и опасный в пожарном отношении груз. Пароход же тщательно вымыли, вычистили и разместились в нем поудобнее.

Потянулась скучная зимовка. Несмотря на сильные морозы, достигавшие 50 градусов, и страшные вьюги, все люди были здоровы и как могли старались сделать жизнь свою не слишком скучной. Каждый делал свое дело. Одни мастерили прочные и легкие сани, другие запрягали в эти сани собак и, когда светила луна, делали поездки в окрестности, чтобы исследовать их и нанести на карту; эскимосские женщины шили меховые костюмы для всех участников путешествия; иные стряпали, чистили и убирали пароход, кормили собак, читали книги, и так проходило время. Новый год встретили веселым пиром.

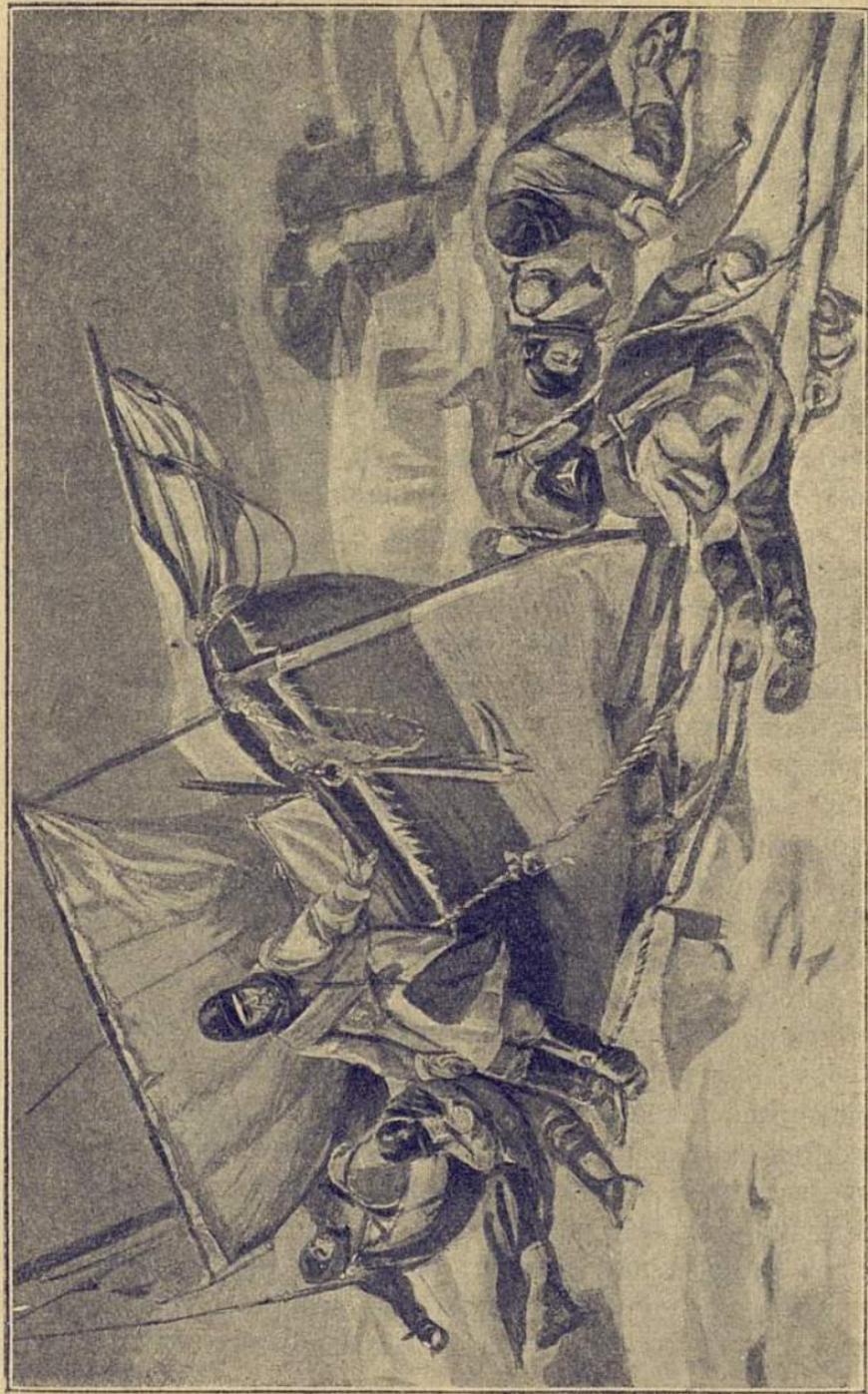
Когда же в феврале появился свет зари на небе, Пири стал собираться в путь.

Он решил поступить так. Пока еще морозы стояли сильные, градусов 30 — 40, и лед сплошь покрывал океан, нужно было идти пешком по направлению к полюсу, везя с собой на собаках необходимую провизию и одежду; в течение месяца постараться достигнуть полюса и потом как можно скорее возвратиться назад, к пароходу.

1 марта Пири выступил в поход. С ним отправились 23 человека. Другие остались на пароходе ждать возвращения товарищей. Саней было взято 19, собак 133.

Путь был ужасен. Люди и собаки выбивались из сил. Местами лед был ровный, но местами он громоздился высокими валами из раздробленных, столкнувшихся льдин. Тогда приходилось лезть на эти валы с санями и грузом при сильном морозе и ветре.

Но главное препятствие составляли трещины или расщелины льда. По временам, от волнения океана, лед раскалывался широкими трещинами во много километров длиною. Так как лед имел толщину до 30 метров, то это раскалывание сопровождалось таким треском, как будто стреляли из многих пушек. Трещины могли образоваться в любом месте и совершенно неожиданно. Раз лед раскололся возле самой снежной хижины, где спал Пири. Трещины задерживали

Английская экспедиция Франклина летом 1845 г. намеревалась пройти из Бафинова залива вдоль берегов Северной Америки. На двух судах было 138 человек команды. Суда были затерты льдами, Франклин умер в апреле 1848 г., оставшиеся в живых 105 человек пытались добраться до материка, но все погибли.

путешественников по несколько дней, тогда как следовало спешить. Приходилось ждать, пока расселина опять закроется и края ее сдвинутся или же пока она не подернется льдом, довольно толстым, чтобы выдержать тяжесть людей и нагруженных саней. Один из главных участников путешествия, профессор Марвин, утонул при такой переправе. Впереди могло случиться гораздо худшее несчастье. На обратном пути, когда станет теплее, и льды придут в движение, эти трещины могли надолго задержать путешественников, а между тем взятая провизия будет тогда на исходе, и смерть от голода грозила бы всем.

Порою ужаснейшие метели разыгрывались над ледяной пустыней, и сильный восточный ветер лишал всякой возможности идти. Приходилось останавливаться и строить шатры. Эти шатры делали эскимосы. Они вырезали ножом из снега большие кирпичи и клали их правильными кругами друг на друга, так что каждый верхний ряд был уже нижнего. Получался полукруглый шатер из снега. В нем прорезывали двери и снег изнутри выбрасывали. Потом несколько человек помещалось в этом шатре на постланных там оленьих шкурах, дверь закрывали снегом и зажигали спиртовой аппарат для варки чая, кофе или шоколада. Пищей служил главным образом пеммикан, т. е. смесь мяса, жира и фруктов, плотно закупоренная в жестянках. Поужинав, закутывались потеплее и спали. Собаки, получив корм, ложились, свернувшись на снегу. Если была метель, их совсем заносило снегом.

Постепенно одни сани за другими Пири отсылал назад, к пароходу, по мере того, как провизии становилось меньше. Наконец осталось только четверо саней и 40 лучших собак. С Пири шли теперь пять человек: слуга его, негр Гансон, и четыре эскимоса. Шли они быстро и 6 апреля 1909 г. все благополучно достигли полюса.

Как же Пири узнал, что он находится на полюсе? Это узнают, измеряя в полдень высоту солнца над горизонтом при помощи особого инструмента, называемого секстантом.

Можно с точностью определить, достигнут ли полюс или какое расстояние осталось до него.

На Северном полюсе расстилается океан, покрытый сплошь толстым пловучим льдом. Пири много раз опускал лот в трещины льда и определял глубину океана. На самом полюсе этого не удалось сделать, так как лед был сплошной, но недалеко глубина оказалась в 2200 метров.

Пробыв целые сутки на полюсе, Пири сделал нужные наблюдения и измерения. Сложив конус из кусков льда и из снега, он воткнул в него американский флаг. Потом он написал краткий отчет о своем путешествии, вложил его в бутылку и закопал в лед, возле флага. Возможно, что флаг и бутылка долго еще находились там, где их оставил Пири.

Сделав все это, люди легли спать в снежных шатрах, но им не спалось. Все были очень взволнованы. Путь до полюса был счастливо пройден, но полярное лето приближалось, и скоро во льду должны были появиться полыньи и широкие расселины. Удастся ли добраться до парохода или всем им придется погибнуть в этой холодной пустыне?

Пири решил немедленно трогаться в обратный путь. Эскимосы только этого и ждали. Увязали сани, запрягли собак, и все поспешно двинулись старой дорогой к югу.

Обратное путешествие шло быстрее. Сани стали легче; строить новые шатры не приходилось, так как спали в прежних; путь был несколько наезжен возвращавшимися спутниками Пири; собаки, чувствуя, что они едут домой, быстро и усердно тащили сани. Но самое главное то, что погода удивительно благоприятствовала людям: все время стоял сильный мороз, и лед оставался сплошным и крепким. 27 апреля Пири и его пять спутников вернулись на „Рузвельт“.

Здесь дождались лета. Когда льды разошлись и показались полыньи, разогрели машину, и пароход пошел к югу.

Прошли опять с большими опасностями загроможденный льдом пролив и высадили эскимосов на берегу Гренландии, там, где их взяли. Все они были щедро награждены ружьями, котлами, ножами, лодками и провизией.

В сентябре Пири вернулся в Нью-Йорк и был восторженно встречен населением.

Так побывали люди на Северном полюсе.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ. РОАЛЬД АМУНДСЕН.

На Южный полюс добраться еще труднее.

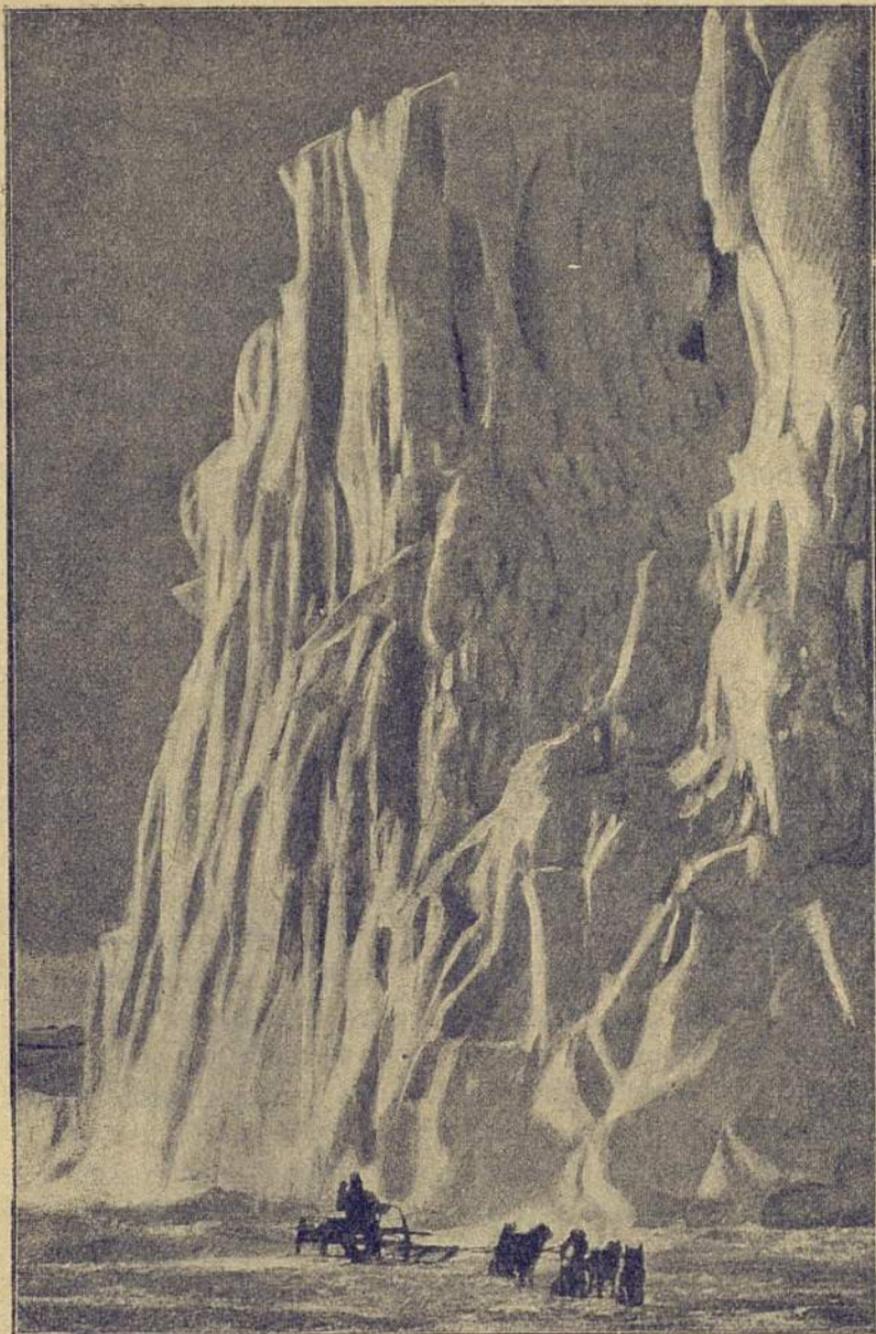
Там находится не море, покрытое пловучим льдом, а обширный материк, размерами не уступающий Австралии. Полярное море омывает берега его. С берегов спускается полосой толстый лед. Огромные глыбы откалываются от этого льда и плавают в океане.

Южный Полярный материк совершенно необитаем. Одни лишь большие нелетающие птицы, пингвины, являются туда летом выводить птенцов.

На окраинах Южного Полярного материка видны высокие горы; между ними есть даже вулканы. Но середина материка, там, где Южный полюс, сплошь завалена вечным снегом и представляет плоскогорье в $1\frac{1}{2}$ километра высотой. Холод там невероятный — это самое холодное место на всем земном шаре. Даже летом, т. е. когда светит незаходящее солнце, там бывает 50° мороза. Чтобы подняться на это плоскогорье, нужно карабкаться по ледникам через глыбы льда и трещины.

Южного Полюса достиг в декабре 1911 г. норвежский моряк Роальд Амундсен.

На прочном пароходе „Фрам“, приспособленном к плаванию среди льдов, Амундсен приплыл к Южному матерiku и высадился на нем с 7 товарищами, 115 ездовыми собаками и с запасом провизии на два года. На береговом льду был поставлен привезенный с собою домик, где и поселились

Экспедиция Скотта у конца ледника, спускающегося с материка Антарктиды.

люди. Пароход же ушел в Южную Америку, чтобы вернуться сюда опять летом будущего года.

Амундсен прожил на льду всю зиму, перенося страшные морозы, достигавшие 48°.

В сентябре, когда наступило южное полярное лето и засиял негаснущий день, Амундсен в сопровождении пяти товарищей выступил в поход. Собаки везли четверо нагруженных саней.

Долго пришлось идти по береговому льду, и только в ноябре достигли материка. Тут нужно было карабкаться и тащить сани по ледникам, переходя с большой осторожностью через глубокие трещины, прикрытые сверху обманчивым слоем снега.

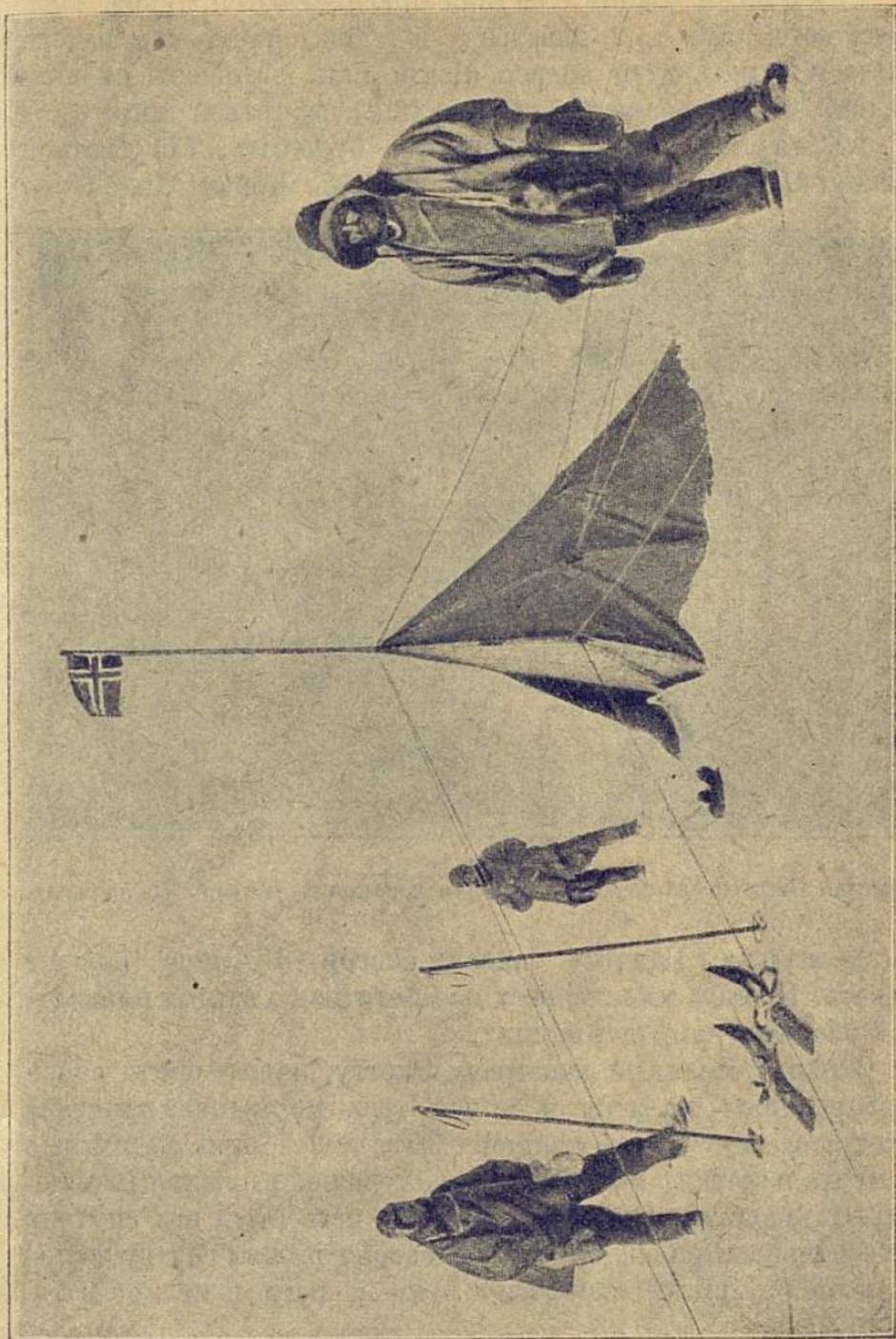
Поднялись с невероятными усилиями на огромную снежную равнину, на которую никогда до тех пор не ступала нога человека. Погода стояла ясная и тихая, благоприятствовавшая путешественникам.

14 декабря норвежцы достигли полюса. Там поставлена была ими палатка, над которой водружен норвежский флаг, а в палатке положено письмо с кратким изложением всего путешествия.

На другой день все пошли назад и 25 января благополучно вернулись на берег океана. Через несколько времени пришел за ними пароход „Фрам“.

Случилось так, что спустя месяц после того, как Амундсен был на Южном полюсе, его достиг, только с другой точки берега и другой дорогой, английский моряк Роберт Скотт в сопровождении четырех спутников. Они были уверены, что первыми побывают на Южном полюсе, и каково же было их изумление, когда они увидели там палатку с норвежским флагом.

На обратном пути англичане погибли от голода и страшной снежной бури. Их трупы были найдены в занесенной снегом палатке, и у Скотта на груди сохранился дневник, в котором он подробно рассказывает о своем несчастном путешествии. Дневник оканчивается следующими строками.

Палатка, поставленная Амундсеном на Южном полюсе.

„18 марта. Наши бедствия продолжаются. Вчера весь день ветер дул нам навстречу с такой силой, что нечего было и думать идти вперед. Наши силы истощены окончательно. Я отморозил себе все пальцы на правой ноге.

22 марта. Ураган продолжает бушевать. Согреваться нечем. Провизии осталось на один день. Конец близок.

Капитан Скотт и его спутники на пути к Южному полюсу. На ночлеге.

25 марта. Палатку занесло снегом. Не могу больше писать. Прошу, умоляю всех позаботиться о наших близких, оставленных нами в Англии“.

Отряд, посланный навстречу Скотту, нашел среди снежной равнины палатку и в ней трех мертвецов: капитана Скотта и двух его спутников. Скотт сидел, прислонившись к мачте палатки, а спутники его лежали в спальных мешках. Из дневника Скотта узнали, что четвертый его спутник еще раньше при спуске с плоскогорья разбил голову об лед и погиб, а пятый отморозил руки и ноги и не мог идти.

Капитан Скотт.

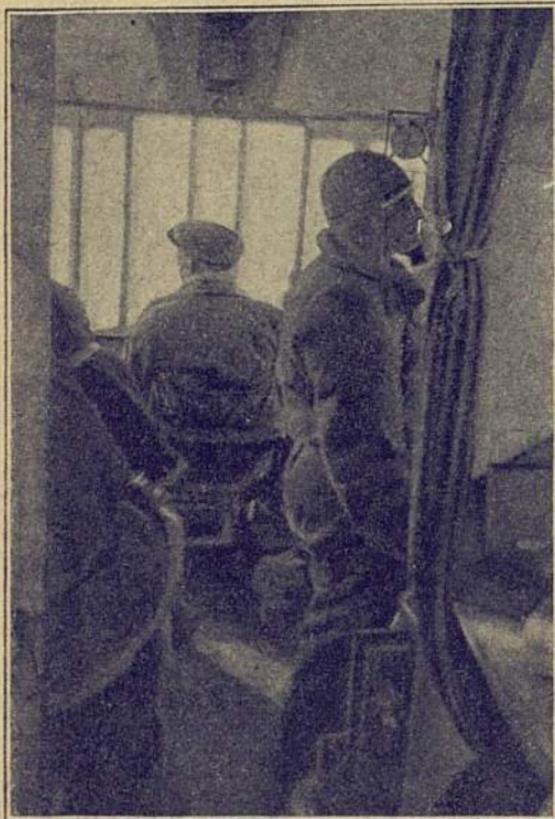
Так погибли эти пять человек, желавших исследовать далекий Полярный материк. Только смелые самоотверженные люди проникают в трудно доступные части земного шара и, рискуя жизнью, обогащают нас знаниями.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕЛЕТ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ.

Амундсен, открывший Южный полюс, пытался достичь Северного полюса на двух гидропланах летом 1925 г.; но эта попытка окончилась неудачей. Из-за недостатка бензина

пришлось спуститься, не долетев до цели 300 километров. Кроме того ледяное поле было очень неудобно для разбегов гидропланов перед взлетом. Бросив одну машину и с трудом вырвавшись из льдов, экспедиция вернулась обратно.

В 1926 г. в мае Амундсен предпринял перелет через Северное Полярное море из Европы в Америку на дирижабле. Дирижабль для этого полета был построен в Италии и был назван „Норвегия“. Главным механиком, управляющим дирижаблем во время полета, был итальянец Нобиле. Амундсен вылетел с

Во время перелета. Амундсен всматривается в неисследованную даль.

острова Свальбарда и полетел по

направлению к Северному полюсу.

Вот как сам Амундсен рассказывает о своем перелете:

„В 9 часов 55 минут утра была дана команда:

— Освободить!

Легко и грациозно поднялся „Норге“ в свежий удивительно ясный воздух. Было около $4\frac{1}{2}^{\circ}$ мороза и почти совершенно безветренно. Меньше и меньше становились наши друзья внизу, и наконец их нельзя уже было различить.

Так порвалась наша связь с сушей. Мы представляли собой свой отдельный мирок, легко и свободно носящийся в пространстве. Моторы были пущены, и „Норге“ начал последнюю часть своего путешествия. Никто не знал, что находится впереди, и никто не мог предсказать, что нас ожидает.

Путешествие на север проходило блестяще. Мы даже забывали, что находимся в воздухе, если не смотрели вниз. Лед в этом году простирался на юг гораздо дальше, чем в прошлом, почти до острова Амстердама. В то время как в прошлом году мы видели взбороженный лед у 82° северной широты, в этом году мы шли над ровной ледяной поверхностью, без всяких трещин. Но там, там, дальше, были опять ледяные нагромождения.

В какое удивительное время мы живем! Представьте себе, что вы сидите в курительной комнате большого океанского парохода. Вы болтаете со своими друзьями за чашкой кофе. Вдруг вам приносят небольшую записку. Это — привет от ваших друзей, которые находятся за тысячи километров. Вы испытываете странное чувство и невольно восклицаете:

— Ну, не удивительная ли вещь — этот беспроволочный телеграф?

В первый раз я почувствовал, как велик успех нашего времени, когда я у $88^{\circ} 30'$ северной широты получил от одного друга из Мельбурна¹ телеграмму. Он желал нам удачи в нашем предприятии.

¹ Мельбурн — город в Австралии.

В 7 часов вечера я слушал бой часов с моей родины. Было почти так же слышно, как если бы я сидел в своей комнате. Это произвело на меня глубокое впечатление.

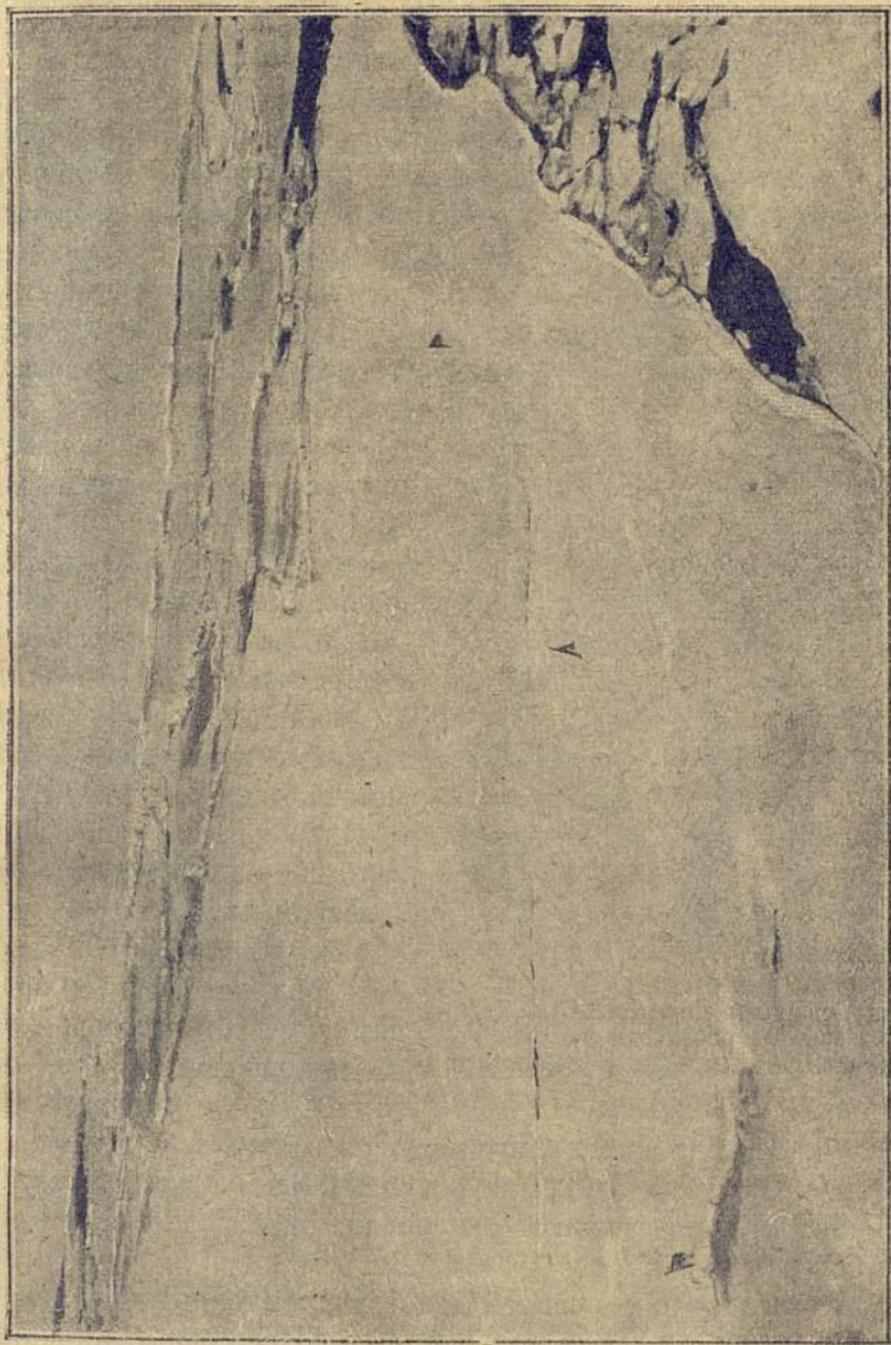
Теперь я уносился дальше на север; с каждой минутой я уходил в бесконечно большую, неизвестную ледяную пустыню, и каждую минуту я слышал вести с родины: близкие люди заботились о нас и думали, как бы облегчить и помочь нам в нашем путешествии.

Трудно описать, что мы чувствовали, когда легко и свободно пролетали над широтами, заставившими нас пережить так много тяжелых моментов в прошлом году.

Полярный лед грозил нам гибелью; несмотря на отчаянные усилия, мы не могли преодолеть его и должны были отступить. Теперь же мы махали фуражками над нашим наконец побежденным противником и с удовольствием говорили: „На этот раз ты нам не страшен, любезный друг...“

По мере того как мы приближались к полюсу, навигация становилась все труднее и труднее. Наблюдатель должен был как можно точнее определить полюс. Перед этим у нас произошло еще одно событие — мы отпраздновали день рождения Эльсворта. В 12 часов ночи на одну минуту были остановлены все работы, и мы пожелали счастья нашему достойному другу. При таких своеобразных обстоятельствах Эльсворт вступил в свой 46-й год. Эта маленькая церемония неожиданно окончилась очень приятно. Нобиле принес бутылку пунша, и мы, махая руками и произнося тосты, ввели „новорожденное дитя“ в новый год. Этот день рождения Эльсворта конечно едва ли кто из нас забудет.

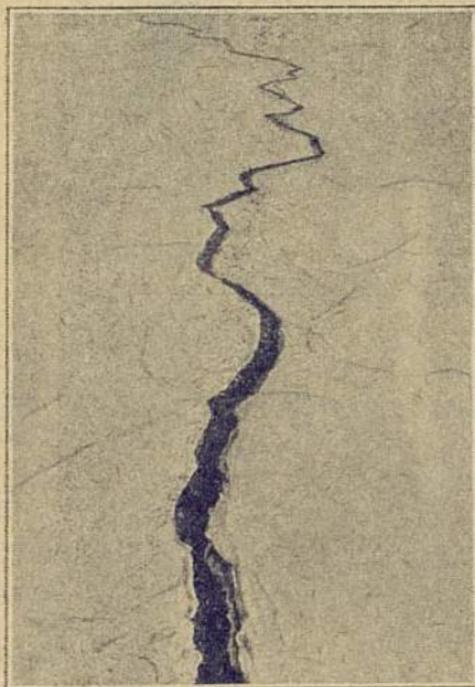
А теперь — выкидываем флаг. Мы были над полюсом. Точно птица, всгрепенулся перед нами красивый шелковый норвежский флаг. Мы укрепили его, как знамя, на алюминиевом шесте. Стали спускать вниз. Вот шест вонзился в лед. Легкий ветер заиграл норвежским флагом над Северным полюсом.

„Три флага на Северном полюсе.

В этот момент я повернулся и схватил Вистинга за руку. Ни одного слова не было сказано. Мы вспомнили 14 декабря 1911 г., тот день, когда норвежский флаг встал над Южным полюсом...

Теперь была очередь спустить флаг Североамериканских соединенных штатов. Эту задачу с глубоким волнением выполнил Эльсворт. Ему выпало счастье в день своего

Над Северным полюсом. Единственная большая расщелина во льду, которая была замечена с дирижабля.

Лед у Северного полюса был сильно изрыт бороздами. Он был совершенно не похож на лед, над которым мы до сих пор пролетали. Погода нам благоприятствовала. Перед тем как достичь полюса, мы были в тумане. Здесь же туман рассеялся, и наши навигаторы могли производить свои наблюдения.

Лед был, за исключением некоторых сплошных площадей, почти до 86° северной широты сильно изрезан трещинами.

рождения поставить над полюсом флаг своей родины. И наконец Нобиле опустил на лед итальянский флаг. Так были поставлены три флага, всего в нескольких метрах один от другого и настолько близко к географическому полюсу, насколько позволяли его определить человеческое знание и инструменты. Это было 12 мая 1926 г. в 1 час 25 минут пополудни. В этот момент Эльсворт получил от своих родственников и друзей две поздравительных телеграммы.

Лед у Северного полюса был сильно изрыт бороздами. Он был совершенно не похож на лед, над которым мы до сих пор про-

Удивительно мало встретили мы животных на своем пути. К северу от Шпицбергена мы замечали следы белого медведя, и даже двух удалось нам видеть. Они так испугались, когда услышали наше приближение, что кувырком через голову бросились в ближайšie отдушины во льду. Потом мы не видали уже до самого полюса никаких следов медведей. Точно так же не было видно никаких следов морских собак, моржей или птиц.

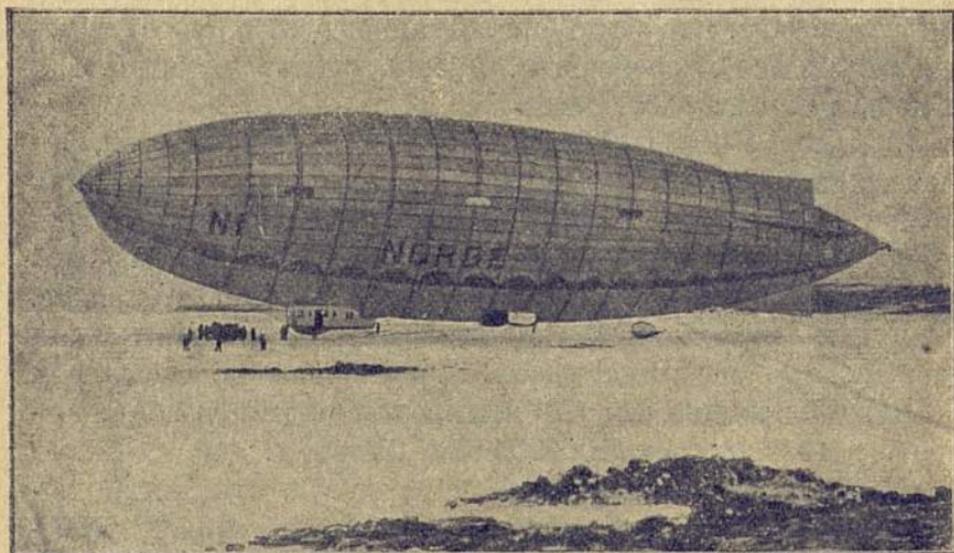
В 8 часов 30 минут утра 12 мая мы вошли в густой туман и оставались в нем с небольшими перерывами до 6 часов вечера. Это было чрезвычайно густое море тумана, казавшееся бесконечным. Туман очень препятствовал и мешал нашим наблюдениям.

13 мая в 6 часов 45 минут утра мы увидели землю. Это был великий момент. Полет был выполнен, цель близка. Как трудно было в этой области земного шара определить положение местности. Ровная поверхность земли казалась одноформенной, там и сям груды камней и ничего больше. Но раз мы находились над Аляской, мы должны были держать курс на запад вдоль берега, пока не достигнем Берингова пролива. Но вот мы пролетели над Вайнвригт — здесь в 1922/23 г. я был вместе с Омдалем.

Сомнения не было. Мы узнали каждый отдельный домик. Жители уже услышали шум мотора и собрались перед местечком. Что они могли чувствовать? Что думали эти люди, когда внезапно из-за облаков показалось огромное чудовище? Несколько лет назад они наверное принялись бы стрелять в нас. Теперь было не то. Они знали, что на борту были их добрые друзья — Амундсен и Омдаль. Они кричали и приветливо махали шапками. Это продолжалось лишь один момент. Дирижабль шел вперед, и мы опять потеряли Вайнвригт из глаз.

Но вот хорошо известный нам домик. Этот домик мы построили своими собственными руками и прожили в нем год. Люди, которые в нем жили, собрались на крыше и явно показывали свое волнение.

Невольно всплыли воспоминания. В 1922 г. 20 ноября я, в сопровождении одного эскимоса, покинул этот домик, взяв с собой сани и пятнадцать собак. Я пошел на юг в местность, куда достигала цивилизация, а Омдаль остался охранять дом и аэроплан. Путь в 800 километров до пролива Коцебу я прошел в 10 дней. 80 километров в день — это был хороший конец для человека, которому было уже 50 лет! Сесть на тяжело нагруженные сани было невозможно. Весь путь пришлось идти пешком.

„Норге“ в момент спуска на Аляске.

Скоро мы потеряли из виду и домик. Теперь началось наше путешествие вдоль берега Аляски. В этой местности, где так трудно передвигаться на санях и собаках, так как часто кажется, что суша исчезает, еще труднее было ориентироваться с воздуха. У мыса Лисбури мы вошли в туман. Мы взяли выше и полетели над ним. Мы поднялись довольно высоко, так как иначе могли наскочить на горы.

Вдруг поднялась страшная буря. Она захватила дирижабль и сбила нас с пути. По нашему определению мы

были 13 мая в 6 часов вечера около мыса Сердце-Камень у Сибирских берегов. Решили повернуть на восток, чтобы вновь достигнуть берегов Аляски. Определение места показало, что мы находимся близ Кефалина на северной стороне пролива Коцебу.

Здесь мы увидели на берегу хижину и эскимоса с собаками. Мы пролетели над ними совсем низко. Эскимос танцевал и жестикулировал. Читатель может себе представить, что он думал, увидев нас.

Буря носила „Норге“ над Беринговым проливом. Корабль бросало, как мяч, из стороны в сторону. Берега пролива были закрыты от нас туманом, ветер выл и угрожал угнать нас в открытое море. Мы повернули курс на берег, и перед нами показался какой-то неизвестный остров.

14 мая в 7 часов утра мы достигли местечка с несколькими домиками. Что могло это быть? Не Номе ли, которое мы первоначально наметили, как место спуска? Но было слишком мало домов и, кроме того, не было телеграфного столба. Однако общее мнение было — спуститься здесь, так как бензина оставалось у нас всего на семь часов полета. К тому же мы были страшно утомлены и совершенно не могли работать.

Эскимосы в Теллере.

Мы сделали несколько рейсов в разные стороны и вновь вернулись к этой маленькой деревне. Около нее лед представлял совершенно гладкую поверхность, и мы могли безопасно спуститься.

Амундсен на родине. Встреча, устроенная ему в Бергене.

Мы спустились в 30 километрах от Номе, которое первоначально наметили для спуска.

Первый полет с одного материка на другой—совершился“.

УСПЕХИ СОВЕТСКИХ ЛЕДОКОЛОВ И АВИАЦИИ.

ГИБЕЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО ДИРИЖАБЛЯ „ИТАЛИЯ“.

В мае 1928 г. со Свальбарда вылетел дирижабль „Италия“ по направлению к Северному полюсу. Эта экспедиция была снаряжена в Италии под начальством Нобиле. На дирижабле находилось 16 человек.

Когда мы стали спускаться, со всех сторон прибежали люди и схватились за якорный канат. Дверь гондолы открылась, и мы один за другим прыгнули на лед. Люди спокойно, без всякого смущения приветствовали нас. Они принимали дирижабль так, как будто занимались этим делом каждый день.

— Где же мы наконец? — спросил кто-то из нас.

— В Теллере, — был ответ.

23 мая дирижабль „Италия“ понес людей в неизвестное... 25 мая, на другой день после того как люди на дирижабле увидели полюс, газеты всех стран сообщили: „Нобиле над Северным полюсом“. Еще через день газеты сообщили миллионам читателей, что радио дирижабля „Италия“ неожиданно замолчало. Местонахождение дирижабля стало тайной.

Где Нобиле? Где дирижабль „Италия“? — спрашивали газеты.

Ни через день, ни через два, ни через неделю газеты не могли сообщить ничего читателям... Тревога за судьбу 16 человек росла.

17 июня „Старый Роальд“, как называла Амундсена Норвегия, вместе с французским летчиком Гильбо и норвежцем Дитрихсеном, спутником своих прежних путешествий, вылетел на поиски пропавшей экспедиции Нобиле.

Пристань старинного норвежского городка Бергена была усеяна несметной толпой народа.

— Да здравствует наш Амундсен! — кричала толпа.

В половине восьмого вечера гидроплан „Латам“ поднялся и ринулся на север... и Норвегия замерла.

Ее Амундсен исчез.

Через четыре дня советский ледокол „Красин“ подходил к гавани Бергена. Он шел на поиски пропавшей экспедиции Нобиле и в Бергене брал запас угля.

Еще прежде чем „Красин“ остановился у пристани, люди с яхт, шлюпок и лодок складывали рупором руки и кричали:

— Спасите Амундсена!

По улицам Бергена за красинскими матросами бежали норвежские школьники, снимали шапки и кричали:

— Спасите нашего Амундсена!

Город был болен. Город болел тревожной мыслью о „Старом Роальде“. И не только город, но и весь читающий мир во всех уголках земного шара жадно ловил вести о пропавшем Амундсене. Но вести не приходили.

Когда через два дня „Красин“, погрузив уголь, покидал гавань Бергена, люди из лодок горестно кричали вслед уходящему ледоколу:

— Спасите нашего Роальда! Спасите Амундсена!

В этом крике слышалось подлинное горе, настоящее горькое отчаяние целой страны.

В золотую ночь выходил „Красин“ в серозеленый океан. Слевого борта была вода, пустыня, небо, с правого — последние камни материка и зажатые между ними уже едва заметные точки рыбацких жилищ.

Здесь „Красин“ в последний раз сдавал лоцмана. Дальше был океан. Ночью к борту „Красина“ подплыли на парусных лодках рыбаки. Рыбаки по штурмтрапу взобрались на борт. Их было трое. Они сняли широкие кожаные шля-

Роальд Амундсен и Фритиоф Нансен едут на национальный праздник, устроенный в честь Амундсена.

пы с голов, и один из них сказал:

— Нам нужен Амундсен. Спасите его для нас!

Им ответили, что будет сделано все возможное, чтобы его найти.

Потом рыбаки спустились в лодки, и долго еще до „Красина“ доносился крик, в котором слышалось: „Амундсен! Амундсен!“

„Красин“ шел на север и 25 июня пересек линию Полярного круга. После 25-го люди, находившиеся на „Красине“ видели над своей головой солнце, которое не заходило все дни, в течение которых длился поход ледокола.

Что же произошло с дирижаблем „Италия“, на котором Нобиле долетел до полюса?

Он обледенел и стал спускаться на льды. В это время часть экипажа вместе с Нобиле сбросилась на лед. При падении итальянец Помелло убится на смерть, остальные отделались ранами и ушибами. Получив облегчение, дирижабль полетел дальше... На нем оставалось шесть человек. Как сообщал потом Нобиле, через двадцать минут после падения гондолы на горизонте к востоку образовался черный дым. Дирижабль сгорел, и ни один из людей, оставшихся на нем, не спасся.

На льдине, на которую упали Нобиле и его спутники, началась жизнь. Прежде всего похоронили разбившегося Помелло. Его спустили под льдину в воду. 30 мая от группы Нобиле отделились трое: швед Мальмгрен и два итальянца—Дзаппи и Мариано. Они пошли по льду, надеясь добраться до Шпицбергена. Между тем радист из группы Нобиле старался наладить радиоаппарат. Вот наконец во все стороны полетели призывы о помощи. Эти призывы были замечены в Северодвинском крае Советского Союза одним радиолюбителем, а также и в других странах. Стало известно приблизительно место, где находились потерпевшие. На поиски их были посланы пароходы и гидропланы.

Шведскому летчику Лундбергу удалось разыскать место аварии и доставить Нобиле на итальянское судно. Местонахождение Мальмгрена, Дзаппи и Мариано оставалось неизвестным...

ШАГИ СМЕРТИ.

Со льдины поднималась страшная голова Мариано. С мертвенной синевой и черными пустыми щеками он лежал в ледяной могиле. Сквозь продранную одежду белела

отмороженная кожа колен, а ноги в промокших, дырявых, когда-то толстых носках были приподняты кверху.

Опускаясь, рука Мариано касалась жестяной банки.

Жестянки были последним, что осталось от человеческой цивилизации для двух человек. Тот, чьи руки кричали в пространстве, был Дзаппи. Тот, кто лежал, медленно вращая пугающей головой, звался Мариано.

Дзаппи мудрил над системой банок с веревками, изготавливая силки для чаек. Ни тот ни другой не могли припомнить, когда в последний раз удалось заманить в нехитрые сети чайку. Чайки и большие полярные птицы — глушныши старательно облетали льдину.

Два человека жили на льдине. Льдину носило по океану среди тысячи других, маленьких и больших. Люди на льдине видели над собой большое мертвое небо и желтое солнце, которое скрывалось только тогда, когда мир одевался туманом. Тогда Мариано видел в тумане лишь темный силуэт своего спутника Дзаппи, а Дзаппи с трудом различал возле себя дымчатый силуэт Мариано. Мир был наполнен туманами и тишиной, и в тишине рождались звуки, которые Мариано называл шагами смерти...

— Дзаппи, ты слышишь?

— Молчи, Мариано. Надо слушать, не идет ли медведь.

— Дзаппи, я слышу звуки.

— Это трескается лед, Мариано.

— Да, это трескается лед, и когда он вовсе развалится под нами, тогда придет смерть.

— Смерть?..

Дзаппи в тумане нащупывал руку товарища, схватывал ее и с отвращением отпускал в ту же минуту. Рука была скользкая, холодная, неживая и неприятная, как ощущение смерти.

— Мариано, нас наверное ищут.

— Все равно... нас не найдут, потому что я слышу, как идет смерть...

Потом оба молчали. Но молчать было страшно. В молчании рождались звуки, которые надо было заглушать собственным голосом. И они говорили.

— Как ты думаешь, Дзаппи, Бьяджи сделал что-нибудь?

— Я не знаю.

— Может быть радио Бьяджи услышали на „Читта ди Милано“. Как ты думаешь, Дзаппи?

— Я не знаю.

— Может быть Нобиле и все другие уже спасены. Как ты думаешь, Дзаппи?

— Я не знаю.

И опять оба молчали. Вокруг был туман. Не было ни неба, ни океана. Была молочная, белая бездна, окружавшая их. Дзаппи пробовал спать. Он ложился на кусок одеяла, которое они с Мариано разрезали пополам. Дзаппи ложился на свой кусок и лежал на боку. Он спал. Во сне он видел маленькую собачку. Он узнал ее. Это была Титинка. Нобиле брал Титинку на поясок. Собачка летела на дирижабле. В день, когда случилось „это“, она первая выскочила на льдину, выпав из разрушенной гондолы „Италии“. Титинка бегала и смеялась собачьим лаем. Собака жила на льдине в лагере вместе с людьми.

И сейчас видел Титинку Дзаппи. Она лизала ему руки, маленькое и теплое существо. Потом Титинка стала расти, становиться все больше и больше, пухнуть.

— Титинка! — кричал Дзаппи голосом, который ему самому казался чужим.

А собака становилась белой горой, и гора лизала руки у Дзаппи. Гора надвигалась. Гора была ледяной, и он просыпался от холода. Лед жег спину.

Дзаппи открыл глаза и увидел, что туман стал легче. Вокруг четко виднелись блестящие вышки торосов, а меж ними черные поляны и нежная бирюза проталин. Он вздрогнул, услышав рядом с собой отвратительный звук.

— Мариано!

Он смотрел на товарища. Мариано был синий. Он старался приподнять голову и бессильно открывал рот. Он икал, содрогался, и изо рта у него лилась мутная, гадко пахнувшая вода. Мариано рвало водой. Вода, вышедшая изо рта, заливала одежду, и одежда покрывалась морозной коркой.

С отвращением Дзаппи дотронулся до руки Мариано.

— Мариано, что ты? Что с тобой, Мариано?

Дзаппи видел только огромную рыжую бороду и рыжие усы Мариано, и в глубине лица простые голубые человеческие глаза. И глазами Мариано сказал:

— Есть!

Дзаппи поднял белую банку, зачерпнул ею поверхность льдины, наполнил снегом и поднес ко рту Мариано.

— Ешь!

Мариано съел снег, и снова его рвало водой. Он икал и дергался, закрывая глаза, в которые глядело болезненно желтое солнце, возникавшее в небе, едва истаял туман.

Мариано открыл рот и хотел что-то сказать. Дзаппи вскочил на вершину тороса.

— Дзаппи, Дзаппи! — шептал Мариано.

Дзаппи на вершине тороса поднимал руки кверху.

— Что ты там видишь, Дзаппи?

— Самолет, летит самолет! Он летит, чтобы спасти меня и тебя. Мы еще будем жить, Мариано! Я буду любить тебя всю жизнь. Мы теперь связаны навсегда. Ты слышишь, Мариано? Ты меня понимаешь?

— Но ты наверное ошибся. Небо пусто, и я не слышу пропеллера!

— Это потому, что ты лежишь, а самолет далеко. Если бы ты мог подняться! Мариано, дорогой Мариано, встань и кричи руками! Они тогда скорее увидят нас!

— Я не могу. У меня нет сил подняться. Неужели ты видишь?

— Да, я вижу, вижу!

— Дзаппи, я тоже слышу шум пропеллера, далеко.

— Я вижу еще! Я вижу два самолета!

— Два самолета! Они летят к нам? Дзаппи, неужели они летят к нам?

Дзаппи молчал.

— Дзаппи, ты меня слышишь? Я спрашиваю: самолеты летят к нам?

Дзаппи не отвечал.

— Дзаппи!

Никакого ответа.

— Дзаппи, Дзаппи, Дзаппи! Ну, что ты там видишь? Почему ты молчишь? Ты плачешь, Дзаппи? Ты плачешь или смеешься, Дзаппи? Нет, почему ты плачешь?

Дзаппи плакал и не отвечал Мариано.

Мариано не спрашивал. Он молчал и, открывая глаза, видел в вышине большое пустое небо, в котором плавало солнце. Солнце слепило глаза, и Мариано закрывал их, чувствуя на веках дыхание желтых лучей.

И еще несколько раз возникали в небе далекие самолеты, летавшие над берегом Северо-восточной земли, и каждый раз, когда исчезали они, не видя людей на льдине, Дзаппи уже не плакал, а молчал, не глядя на Мариано.

Чайки были хитры и не попадались в силки, изготовленные на льдине руками Дзаппи. Дзаппи ел снег, а Мариано отказывался от снега.

Однажды Мариано прошептал Дзаппи:

— Как ты чувствуешь, Дзаппи, в тебе еще есть жизнь?

— Я хочу жить!

— Я не хочу жить, Дзаппи, я умираю. Когда я умру, ты сделаешь все, чтобы остаться живым. Ты сильный и крепкий, Дзаппи. Ты дойдешь до земли, найдешь людей и скажешь, где находятся Нобиле и другие. Тогда всех спасут. Ты поклонись от меня нашей земле Италии и родным. Дзаппи, ты меня понял?

— Молчи, Мариано!

И оба молчали.

Дзаппи лежал на мокром куске одеяла, закрыв глаза и стараясь уснуть. Он мысленно говорил себе: „Если я не могу поддерживать свое существование едой, я должен как можно больше спать. Сон укрепляет организм. Я должен жить! Я хочу жить!“

Он словно прислушивался к самому себе, изучая собственное состояние. Он с тревогой следил за собой: все ли у него в порядке? Не угрожает ли ему стать таким, каким стал Мариано?

Он посмотрел на товарища. Мариано лежал, чуть подергиваясь. Икота, мучительная икота рвала его горло.

Дзаппи закрыл глаза. Над головой крикнула чайка — и полетела. Дзаппи вскочил:

— Проклятая! Даже не опустилась!

Он насторожился. Что это — облако или... Но нет, облака не бывают такими. Облака не режут воздух винтами, изготовленными человеком. Дзаппи видел в тумане, который шел синей стеной с юга и с запада, самолет. Самолет выскочил из тумана и летел прямо на Дзаппи. Туман гнался за самолетом, туман настигал его, опутывал и опять оставлял. Дзаппи вскочил на вершину тороса. Он махал флажками, которые изготовил еще тогда, когда видел вдали проходившие мимо и не замечавшие их самолеты, летевшие вдоль берега Северо-восточной земли.

— Самолет, Мариано, вставай! Самолет летит к нам! Двигайся, Мариано!

Дзаппи дикарем танцевал на льдине, писал флагами круги, приплясывал, бегал на месте, быстро садился и вскакивал вновь и, не переставая, кричал Мариано:

— Двигайся, чтобы они заметили нас! Двигайся, размахивай руками! Вот флажок, на!

Он бросил ему флажок. Мариано, напрягая последние силы, попробовал приподняться и шевельнуть рукой.

Дзаппи сходил с ума. Он задыхался. Он слышал голос Мариано. Голос шел откуда-то снизу, и Дзаппи казалось, что голос несется из бездны. Мариано сказал:

— Я, Дзаппи, не верю ни тебе, ни себе. Так не бывает. Это не самолет, Дзаппи, ложись, ложись и молчи. Я скоро умру... Ты доберешься сам до земли и останешься жив. Но это не самолет. Я не верю!

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ.

Три винта резали воздух над льдиной. Летчик Чухновский описывал над Дзаппи и Мариано круги. На нижних плоскостях огромной черной машины краснели две странных и непонятных звезды.

Мариано видел звезды. Мариано знал, что на белом небе вечного дня не бывает звезд. И Мариано знал, что красные звезды — мираж, что звезды родились в небе, как знамение смерти.

И Дзаппи видел красные звезды. Звезды летели над ними. И он вспомнил жизнь и явления, которые были там, на земле, на которой — люди, войны и страны. Он узнал.

Дзаппи кричал и прыгал. Потом он застыл. Руки его опустились.

— Дзаппи?!

— Мариано?

— Дзаппи, подойди ближе!

— Подожди, Мариано. Я буду смотреть, куда идет самолет.

— Дзаппи, но ведь этого не было. Не было самолета!

— Был! Вот я вижу его еще. Он повернул обратно. Он долетел до нас и возвращается к западу. Он прилетит еще и сбросит нам пиццу. Он спасет нас. Я видел красные звезды.

— Красные звезды ты видел во сне. Я тоже видел красные звезды. Они были на небе, и я понял, что умираю.

— Ты ничего не понимаешь, Мариано. Красные звезды — это звезды большевиков. Это был самолет из России. Что он мог делать здесь?.. Я был в России. У русских есть города Хабаровск и Владивосток. Я был в Хабаровске и Владивостоке. Я тогда никогда не думал, что мы с тобой,

Мариано, будем страдать на льдине. Тогда я тебя не знал. Тогда я еще не знал Нобиле, и в Италии не было дирижаблей.

Мариано тихо звал Дзаппи. Тот подошел, наклонился над головой Мариано, и Мариано сказал:

— Не было ничего!

Дзаппи вздохнул. Он понял, что может рассчитывать только сам на себя. Тогда он отошел от Мариано, поднял кусок брезента, который они берегли до сих пор, и острым куском жестижки принялся резать брезент на узенькие полоски.

— Что ты делаешь, Дзаппи?

— Я режу брезент. Из кусочков брезента я составлю буквы, которыми напишу несколько слов на льдине.

— Ты сходишь с ума!

— Ты сам не понимаешь ничего, Мариано. Я напишу, чтобы нам помогли пищей. Самолет вернется и прочтет то, что я напишу. Они сбросят нам пищу. Ты увидишь, мы будем есть!

Он резал брезент на узенькие полоски шириною в два и три пальца. Когда их стало достаточно, он из полосок принялся делать буквы, выкладывая их на льдине. Чтобы буквы не разметало ветром, чтобы они не разъехались, он прикреплял их комочками снега, который сначала сжимал в руке, обращая в ледышки.

Он ждал возвращения красных звезд. Мариано не ждал ничего, Мариано ждал смерти.

Солнце опять поднималось к югу. Был полдень. Солнце шло над пустыней и спускалось на север. Была полночь. Дзаппи знал, что кончились сутки, двадцать четыре часа с тех пор, как красные звезды возникли над ледяной пустыней.

Тогда Дзаппи понял, что кончено. Самолет не вернулся. Никто не прочтет слов, написанных узенькими полосками из брезента. Никогда Дзаппи не будет есть. Никогда Дзаппи не будет жить...

Мариано слышал, как Дзаппи проклинал ледяные просторы, Дзаппи призывал беды на Арктику, как будто Ар-

этика была живым существом, который всем напряжением своего организма, каждым кусочком себя самого ненавидела Филиппо Дзаппи.

Он вдруг вскочил и ногами принялся топтать льдину. Он громко кричал:

— Будь ты проклята, проклята, проклята!

Он бил по льдине ногой, и льдина, вздрагивая, качалась. Мариано вскрикнул. Дзаппи остановился и в страхе опустился на снег. Он больше не шевелился. Он больше ничего не говорил Мариано.

И опять оба слышали, как рождались странные звуки в белой, в голубой, в зеленой, в мертвой пустыне Полярного моря. Они слышали треск ледяного моря, слышали, как с шумом лопались льдины, шуршали торосы, как будто кто-то их рушил и они валились один на другой.

Дзаппи медлил подняться. Мираж перед смертью? Опять? Опять красные звезды — и ничего? И вдруг в белом страшном молчании возник пугающий вóй.

Сирена! Кричала сирена. И вот что она кричала:

— Лю-уди, где вы-ы-ы? Лю-уди-и-и, где-е вы-ы-ы?

Дзаппи поднялся и увидел красные звезды. Звезды висели на двух желтых трубах огромного черного корабля, который двигался по ледяной пустыне, руша льдины, подминая их под себя и раздвигая ледяные поля. Припомнив дни своей жизни в русском городе, Дзаппи прочел:

— „Красин“!

... Корабль застопорил. Льдина с людьми вздрагивала на расстоянии ста или ста пятидесяти метров от носовой части ледокола. Льдина, на которой стоял человек, поднимая руки, имела в поперечнике самое большое десять метров. На вершине тороса был человек с поднятыми руками, одетый в несколько пар одежд, в теплой обуви. Другой — в коротких брюках и рваных носках — лежал с поднятыми кверху ногами, положив их на выступ тороса, и, опираясь на руки, пытался подняться. На льдине валялись два куса голубого мокрого одеяла, флажки, из

которых два были сделаны примитивно, при помощи тряпок и металлических трубочек, а один — шелковый синий. По синему фону белым было вышито: „Куда не долетел орел“.

Метрах в десяти от Мариано на льду валялись, напоминая издали человека, брюки. Рядом из брезентовых тряпочек Дзаппи были написаны слова: „Помогите нам пищей!“

Люди „Красина“ сгрудились на носу.

— А третий? — спросил кто-то: — Где третий?

Люди переглянулись. Нигде не было видно третьего. По штормтрапу спускались на лед люди команды. Через каналы, разделявшие льдины, они перебрасывали большие доски и по доскам добрались до Дзаппи и Мариано.

Вахтначальник Август Дитрихович Брейнкopf был первым, кто задал вопрос человеку:

— Мальмгрен?

Дзаппи покачал головой и назвал свое имя. Затем он рукой указал на лежавшего Мариано и представил его:

— Командор Мариано!

Полумертвая голова Мариано в первый и единственный раз осветилась улыбкой. Потом он долго был в забытьи.

Мальмгрена не было в группе Мальмгрена. Отвечая на вопросы вахтначальника корабля, Дзаппи рукой указал вниз:

— Умер!

Для Мариано притащили носилки. Его положили на них и осторожно понесли по доскам, проложенным над трещинами, разделявшими льдины. Мариано лежал на носилках и простыми голубыми глазами смотрел на небо.

Люди команды с изумлением рассматривали полуодетого Мариано. Он улыбнулся, когда его окружили на борту. Он говорил голубыми глазами:

— Спасибо!

По приказу доктора, Мариано унесли в лазарет. В лазарете хлопотал фельдшер Анатолий Иванович Щукин.

Дзаппи предложили носилки. Он мотал головой. Сверкали его глаза. Он положил руку на плечо рядом стоявшего человека и уверенно запагал по льду, осторожно перебираясь по доскам над трещинами, и так подошел к штурмтрапу. Дзаппи ловко взобрался по узкой веревочной лестнице и ступил на борт корабля; ему жали руки, поздравляли его. Он вдруг сделал шаг вперед, приблизился к черному кочегару Филиппову и, упав на колени, обнял ноги изумленного человека.

— Ну, ну, зачем же, — бормотал смущенно Филиппов.

Он поднял Дзаппи и поддерживал его рукой, как бы боясь, что Дзаппи может упасть.

Дзаппи оглядывал красинцев сумасшедшими сверкающими глазами. Он поворачивал то в одну, то в другую сторону голову, на которой не было шапки, лицо обветренное, почти черное, в грязной всклокоченной бороде. Он вдруг открыл рот и крикнул:

— Кушать!

— Кушать, кушать он хочет! — пояснил Филиппов, без труда поняв смысл итальянского слова.

— Кушать! Кушать!

Дзаппи не говорил, а кричал. Он вопил, требовал.

Ему протянули бисквит, и он с волчьей жадностью проглотил его. Ему дали еще, он проглотил второй и умолял о третьем. Доктор запретил кормить Дзаппи бисквитом.

Дзаппи стонал, его стон напоминал то плач грудного младенца, то вой голодного зверя:

— А-уо-а! Ууо, вв! Уа-уа, ввв!

Он подносил пальцы ко рту, открывал огромный жадный рот, в котором блестели ровные белые зубы, и выл.

Дзаппи взяли под руки, уводя вниз, в каюту. Он на минуту остановился, прекратил вой, повернулся лицом к льдине, которую только что оставил, поднял руку, как бы приветствуя льдину в последний раз, и громко сказал:

— Аддио!

И еще раз:

— Аддио!

Потом он повернулся к льдине спиной и глазами дал понять людям, что готов идти с ними.

Его увели в кают-компанию.

Со льдины собрали то, что на ней было: флажки, две жестяных банки, полоски брезента, которыми Дзаппи писал просьбу о помощи, голубые куски одеяла и безыменные брюки, неизвестно чьи, были перенесены на борт корабля.

Дзаппи ввели в кают-компанию. Ему пододвинули большое зеленое кресло. Он опустился в кресло и простонал:

— Кушать!

Для него уже готовили кофе.

Он не смотрел на людей, казалось, ими не интересовался и повторял все одно и то же:

— Кушать! Ввв! А-а-а! Уа-уа, ввв!

Когда Дзаппи открывал рот, очень широкий, бросались в глаза здоровые зубы, белые и ровные. Он был очень тепло одет — три костюма, белье, фуфайка, на ногах мокасины.

Самойлович подошел к Дзаппи. Он сел рядом и попытался задать вопрос:

— Где Мальмгрен?

— Мальмгрен умер. Он умер месяц назад.

Потом, задумавшись на минуту, Дзаппи добавил:

— Это был настоящий человек!

Ему принесли немного кофе с бисквитом. Он проглотил все, смотрел умоляющими глазами и жаждал еще.

— Вам нельзя, — говорил доктор, — воздержитесь немного. Скоро вы будете есть нормально.

Дзаппи качал головой и пробовал улыбаться.

— Вы сколько времени не ели? — спрашивал доктор.

— Тринадцать дней... Мы не ели тринадцать дней... тринадцать дней...

Вдруг Дзаппи вскочил и потребовал бумагу, чернила и ручку.

Ему принесли. Он подсел к столу и набросал в течение двух минут рапорт для передачи по радио генералу Умберто Нобиле. Ему уже успели сказать, что Нобиле на „Читта ди Милано“. Он уже знал все. Узнав, он схватился за голову и простонал:

— А-а-а! У-а-а-а!

Самойлович просил его рассказать о Мальмгрене. Дзаппи недовольно поджал губы, как большой бородатый капризный ребенок. Он сказал:

— Мальмгрэн просил нас оставить его. Он не мог дальше идти. Мы ничего не могли с ним поделать. Он решил умирать. Мы помогли ему вырыть в снегу могилу. Он снял одежды, остался голым на льду и просил нас идти. Мне он завещал платье. Вот это платье Мальмгрена. Он передал мне бусоль, которую я должен вернуть его матери. Мальмгрэн остался умирать в ледяной могиле. Мы простились с ним и пошли. Пройдя несколько сот метров, Мариано и я оглянулись назад. Мы видели, как поднялся из своей ледяной могилы Мальмгрэн, как поднял он руки, приветствуя нас, и затем снова лег умирать. Это был настоящий человек. Потом мы шли с Мариано по льду... Мы оказались на льдине, которую не смогли покинуть. Мы голодали тринадцать дней. Вы нас спасли.

В кают-компанию вбежала Ксения:

— Ванна готова!..

Дзаппи принимал теплую ванну. Он с восторгом рассматривал мраморный шашечный пол в ванной комнате.

После ванны Дзаппи почувствовал слабость. Его отвели в лазарет. В лазарете была приготовлена койка. На соседней рядом уже лежал рыжебородый больной Мариано. Мариано стонал во сне.

Дзаппи не спалось. Он не мог оставаться спокойным и не хотел слушать доктора. Он без конца просил есть и убеждал доктора, что ничего не случится, если он, Дзаппи

пи, съест, ну, хоть полдюжины бисквитов. Доктор оставался неумолимым.

Доктор велел Дзаппи спать и вышел из лазарета. В лазарете был полумрак. Фельдшер Щукин сидел возле больных на клеенчатом темном диване.

В Мариано, в его организме происходило медленное возвращение жизни. Жизнь вливалась в его организм столь малыми дозами, что доктор, обводя глазами кают-компанию, мрачно произносил:

— Выживет ли — не знаю!

Дзаппи не спалось. Он беспокойно лежал на койке в санитарной каюте, где главенствовал Щукин.

Дзаппи то принимался вдруг тихо и долго смеяться, то вдруг остекленевшими глазами вглядывался в низкий потолок каюты. То, отказываясь повиноваться врачу, поднимался с койки и, захлебываясь в словах, произносил их тысячами в минуту, расспрашивая и рассказывая одновременно. Он останавливался только для того, чтобы лишний раз попросить кушать, хотя наверное знал, что ему откажут. Доктор Антон Владимирович Средневский в сотый раз объяснял о суживании желудка и о прочих вещах, до которых Дзаппи не было дела. Каждый атом его организма рвался навстречу жизни, и Дзаппи ^{хотел} есть, кушать, жевать, ужасно, невероятно много кушать, вот так:

— Ам, ам!

Дзаппи шумно щелкал челюстями, подносил воображаемую пищу ко рту, делал вид, будто жует ее. Он показывал, как ему хочется есть, как много сумел бы он съесть сейчас, если бы только дали ему. Потом, ослабевая, он откидывался на подушку ничком и молчал.

В утро двенадцатого июля, когда Дзаппи и Мариано лежали в санитарной каюте, а „Красин“ во льдах шел, видя перед собой черные кусочки острова Фойна, был выпущен бюллетень номер пятнадцать, который на „Красине“ называли историческим.

Первая победа „Красна“.

Сегодня, в пять часов, вахтенный начальник Брейнкюпф с мостика заметил группу Мальмгрена. К семи часам ледокол подошел к торосу, на котором находились люди, на расстоянии около ста метров. На небольшой льдине размером не более десяти метров в поперечнике стоял человек, второй лежал и только поднимал голову. Люди оказались членами группы Мальмгрена — Дзаппи и Мариано, офицерами итальянского воздушного флота. Дзаппи оказался здоровым, чувствует себя хорошо. У Мариано отморожены пальцы обеих ног. От перенесенных лишений он сильно ослабел. Спасенные находятся в судовом лазарете¹.

**СУДЬБА ОСТАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ —
НОБИЛЕ И АМУНДСЕНА.**

Оставшаяся после отлета Нобиле группа в пять человек была подобрана „Красиным“. Люди 43 дня провели в ледяном океане, не веря в возможность возвращения к жизни. Какова же судьба Амундсена и его спутников?

Ученые предполагают, что самолет „Латам“ потерпел аварию через несколько часов после вылета.

С приближением зимы все пароходы, посланные на поиски пропавших людей, стали возвращаться из вод Северного Полярного моря. Скоро эти воды сковал лед. Тогда стало очевидным, что Амундсен и его трое спутников погибли. Скорбь разлилась по Норвегии. Норвежцы любили и гордились своим Роальдом. И теперь... теперь они никогда больше не увидят славного Роальда. Вся жизнь его была героической, и умер он как герой, отдав свою жизнь для спасения других.

Норвегия осиротела. Норвегия оделась в траур. 14 де-

¹ Дзаппи и Мариано после поправки возвратились в Италию.

кабря в 12 часов дня загудели по всей стране печальные гудки. В память о славном Роальде все работы были остановлены, и люди провели в молчании две минуты. Слезы скатывались из глаз и горестно сжимались сердца... И не в одной Норвегии...

После гибели экспедиции Нобиле организовалось международное общество „Аэроарктика“. Оно состоит из ученых и исследователей полярных стран. Общество ставит себе задачей — организовать постоянные перелеты через Северное Полярное море.

Подготовка к первому полету ведется в настоящее время выдающимися учеными всех стран. Для полета через Полярное море предназначен дирижабль „Граф Цеппелин“, построенный в Германии и прилетавший в 1930 г. в Москву.

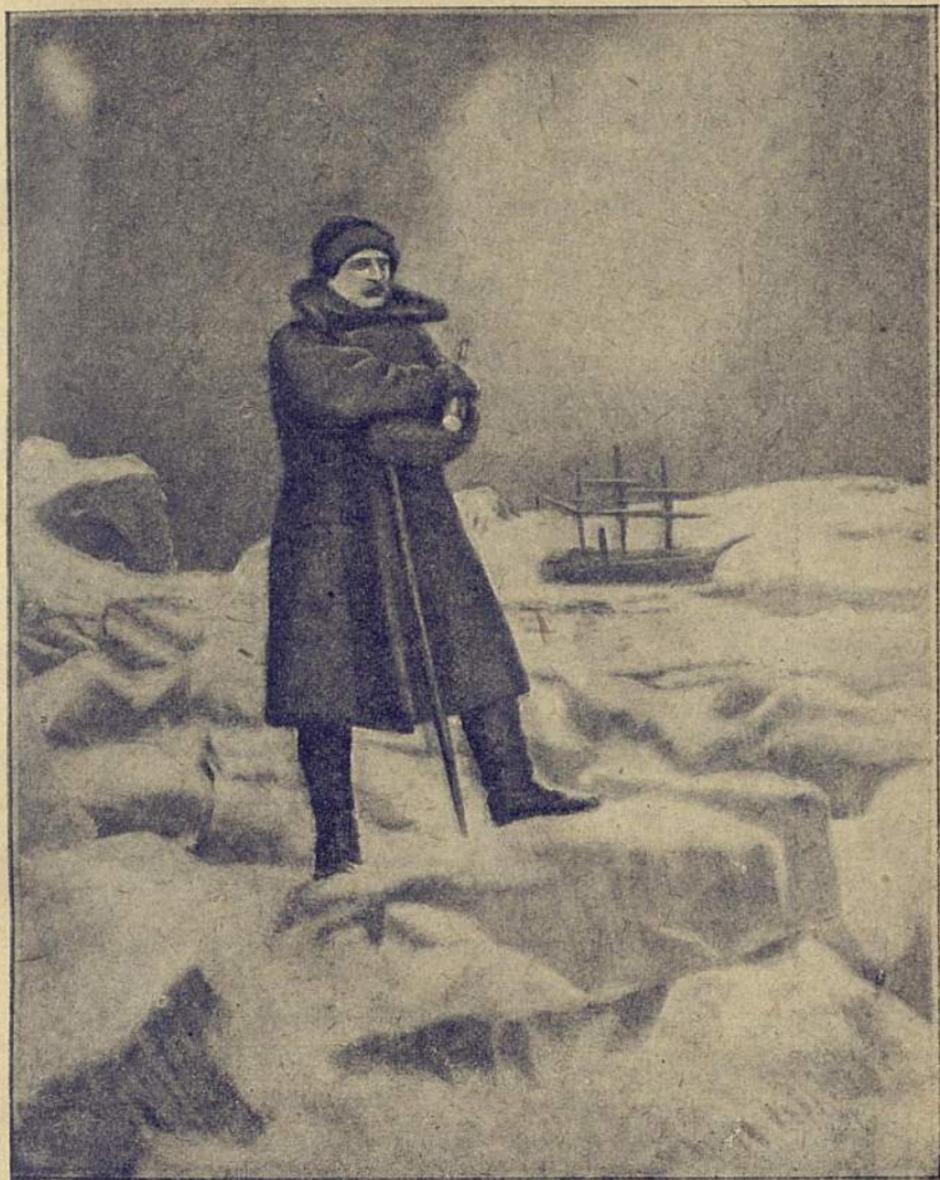
НАСТУПЛЕНИЕ НА АРКТИКУ.

СОВЕТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЛЕДЯНЫЕ ПУСТЫНИ.

Северное побережье Советского Союза имеет протяжение в 20 000 километров¹. Полярное море, омывающее это побережье, и острова на нем до самого последнего времени оставались недоступной ледяной пустыней. Они были почти не исследованы. Смелчаки-путешественники, отваживавшиеся забираться в ледяные пустыни, рисковали жизнью, и немало погибло их среди льдов.

Но люди давно стремились проникнуть в неизвестные области ледяного моря. Еще в XV веке лучшие мореплаватели того времени, голландцы и англичане, неоднократно пытались пройти Северным морским путем, т. е. вдоль берегов Европы и Азии к Берингову морю. Но их попытки кончились неудачей.

¹ Приблизительно; точно длина береговой линии неизвестна.

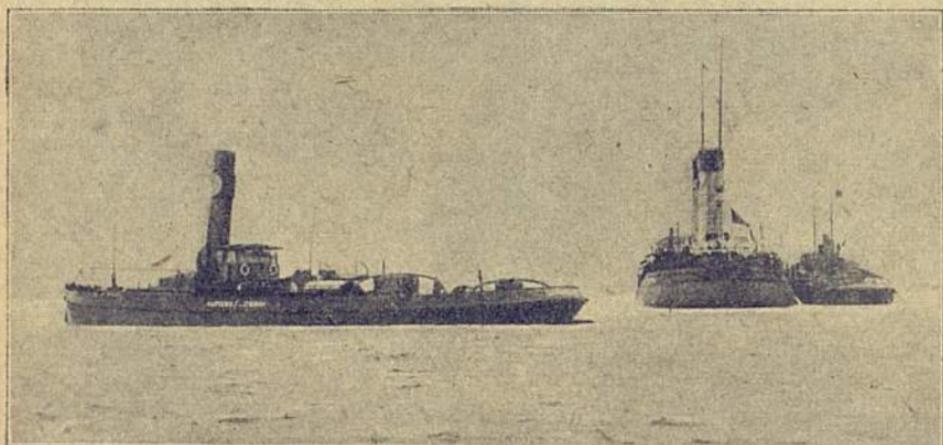
Нильс Адольф Эрик Норденшёльд. Мореплавателю Норденшёльду приобрел себе известность тем, что проплыл по Полярному морю вдоль берегов Азии и Европы.

В конце XIX века несколькими выдающимися полярным мореплавателям удалось пройти этим путем. Однако для торговых судов этот путь оставался недоступен.

В последнее десятилетие советские ученые, мореплаватели и авиаторы повели быстрое наступление на Полярное море. Они начали брать его с двух сторон — с запада и с востока — и скоро достигли блестящих результатов.

Рассмотрим карту Северного Полярного моря, именно ту его часть, которая прилегает к нашим северным границам (см. стр. 93).

На западе находится Баренцово море, упирающееся с восточной стороны в большой остров — Новая Земля.

Ледокол „Красин“ и суда Карской экспедиции в устье реки Енисей. 1929 г.

К востоку от Новой Земли находится Карское море. В Карское море впадают две могучие сибирские реки — Обь и Енисей. Теперь к устью Оби и Енисея ежегодно приходит из Западной Европы караван иностранных и советских судов с заграничными товарами. А из глубины Сибири по Оби и Енисею доставляется ценный сибирский лес для отправки за границу.

Эта Карская экспедиция — первое достижение советских моряков и авиации.

Далее на восток от Карского моря находится полуостров Таймыр, а к северу от него — недавно открытые острова — Северная Земля. Еще далее на восток находятся Новосибирские острова. Если продвинемся еще значительно дальше на восток, то встретим остров Врангеля.

Полярный участок от Карского моря до острова Врангеля остается еще не освоенным. Путь же от острова Врангеля на восток до Берингова пролива в последние годы также завоеван советскими моряками — на острове Врангеля организована советская колония.

Наконец третье достижение советских полярных экспедиций — это закрепление на Земле Франца Иосифа. Далеко на севере за 80° северной широты Баренцево море упирается в острова под названием Земля Франца Иосифа¹. Здесь недавно поставлен флаг Советского Союза и устроены радио и метеорологическая станция.

ТРИ ГОДА СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ.

ИЗ ПРОШЛОГО ОСТРОВА:

Остров назван именем ученого лейтенанта Врангеля. Более ста лет назад (1821—1823 гг.) в тяжелых лишениях, болея цынгой, прошел он 6000 километров по побережью Северного Полярного моря от устья реки Колымы до Колочинской губы, изучая этот суровый край.

Врангель узнал от чукчей, обитавших по побережью, что к северу от материка лежит неизвестная земля, куда весной летят птицы и откуда они возвращаются осенью. Чукчи рассказывали далее, что в суровые зимы, когда море бывает сковано толстым льдом, с севера по льду приходят стада оленей. А в ясные летние дни, когда солнце не скрывается за горизонтом, с высоких скал мыса Якан видна неизвестная земля.

¹ По случаю смерти Фритиофа Нансена теперь острова названы его именем.

Врангель решил достигнуть этой неизвестной земли. В суровую зиму 1823 г. Врангель вместе со своим помощником Матюшкиным выехал на собаках, направляясь на север. Пролив был загроможден льдинами, путешествие было необычайно тяжелым, шло с перерывами, и за день оба путешественника продвигались вперед лишь на несколько километров.

Они питались сухарями и холодным моржевым мясом. На одиннадцатые сутки, не выдержав нечеловеческого напряжения, Врангель заболел, и Матюшкин повернул собак назад. А до острова оставалось всего лишь 50 километров.

С большим трудом, полуобмороженные, люди вернулись обратно на материк к становищу чукчей...

С тех пор прошло 60 лет, и только в 1881 г. остров был нанесен на карту и назван именем Врангеля, первого исследователя, стремившегося на этот остров.

Остров Врангеля находится в 700 километрах от Берингова пролива, а берег материка к югу от острова находится в 170 километрах. Море от Берингова пролива до острова освобождается от сплошных льдов на короткий срок — в августе, сентябре. Вот в это-то время и проникли на остров некоторые смельчаки. Так как не было достаточно изучено движение льдов по морю и время, когда путь освобождается от льдов, то и не все экспедиции возвращались целыми обратно. Совсем недавно, именно в 1921 г., газеты сообщили о трагедии, разыгравшейся на острове Врангеля. На остров высадился отряд, в котором были три американца — Кроуфорд, Нейт Гелль, еще один американец и эскимоска, взятая в качестве кухарки. Продовольствия с ними было всего на шесть месяцев... а в продолжение двух лет ни одно судно, посылавшееся на поиски, не могло подойти к острову. Прибывшая наконец спасательная экспедиция нашла на нем эскимоску и труп Нейта. Кроуфорд с другим американцем, отчаявшись в приходе спасательного судна и оставив заболевшего цынгой Нейта, отправились пешком на материк и оба очевидно погибли.

ПЕРВЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ.

В 1926 г. к острову Врангеля подошел советский пароход „Ставрополь“, высадивший первых колонистов на этот остров: 9 русских и 51 эскимоса. Спустив на берег людей, пароход поспешил уйти, не достроив дома. Он торопился, чтобы не быть затертым льдами. Оставшиеся на острове колонисты принялись достраивать и отеплять дом и строить пакгауз, куда с берега были перенесены продукты, и делать приготовления к зимовке.

Люди торопились. На острове скоро наступила зима, а с ней морозы и страшные метели. Птицы уже улетели на юг.

Достройка дома и пакгауза заняла не мало времени, и время охоты на моржей было упущено.

Ни Ушаков — начальник острова, — ни эскимосы, привезенные им с собой, не знали острова, не знали, какие на нем водятся звери и где их искать. В середине зимы за недостатком мяса Ушакову пришлось перевести эскимосов на консервы, муку и крупу. От непривычной пищи среди них начались заболевания.

Зима на острове Врангеля суровая. Морозы доходят до — 50, 60°. Обычно же они стоят около — 30, 40°. Изредка пролетит ворон с белыми от инея бакенбардами. Тишина... Слышен только скрип снега под полозьями да собственное дыхание. Мороз настолько крепкий, что на снегу тяжелые нагруженные нарты оставляют лишь блестящую полосу.

Налетит снежная пурга, и охотники по несколько дней блуждают близ дома. Однажды в пургу чуть не погибло несколько эскимосов. Они заблудились и голодая начали уже есть ремни.

Отправляясь на охоту, охотники одеваются тепло, в две меховые одежды. Однако во время пурги на лицах образуется ледяная кора, а в груди ощущается комочек холода. Этот комочек начинает расти, увеличиваться, и тогда охотнику грозит опасность замерзнуть. Он останавливается и забирается в спальный мешок. Пролежав в мешке не-

сколько часов, охотник согревается, и тогда он может продолжать путь. Пурги бушуют очень часто; по наблюдениям колонии за одну зиму дней с пургой бывает до 106.

Летом прилетают птицы: вестник весны — снежный воробей, за ним кайры, гаги, гагары, чайки, гуси. Летом на острове масса птиц. Птичьи базары тянутся на 2—3 километра. На птичьих базарах неисчислимое количество птиц. Их нужно считать сотнями тысяч. На самом острове селятся гуси. Когда выводятся гусята, к ним подбирается песец и нападает большая полярная сова. Один охотник в день иногда убивает штук по 200 гусей. На одной нарте не увезти убитой птицы. Летом колония отъелась и сделала запасы дичи и птичьих яиц.

Из древесных пород на острове Врангеля имеется только полярная ива, самая большая в 15 сантиметров высотой. Травянистые растения здесь красочны и пышны, особенно ярки маки и пушница. Сильно развиты камнеломковые и сложноцветные. В южных долинах острова, по мнению Ушакова, можно разводить некоторые овощи.

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ГОД НА ОСТРОВЕ.

За год пребывания на острове колония обжилаясь. Больных на второй год было меньше, а на третий все были здоровы.

Наладилась охота. В летние месяцы к острову собираются огромные стада моржей. Моржи лежат на льдинах партиями в 200—600 голов. Каждый морж весит от 800 до 1600 килограммов. Моржи дают ценные бивни, жир и мясо. Моржовое мясо — любимая пища эскимосов; к нему привыкли и русские и ели его даже в сыром виде. Нетрудно было подстрелить моржей. Но доставка туши к жилищу колонии стоила больших усилий и отнимала много времени. В распоряжении колонии была только эскимосская байдара и старый вельбот. Выходя на вельботе в море, в шторм, только и ждали, что он вот-вот переломится.

Наладилась и песцовая охота. Зимой охотники, несмотря ни на какую погоду, объезжали капканы, расставленные на песцов. Песцовая охота продолжается с ноября по март, захватывая начало апреля. Песец кормится лемингами — мышами. Когда мышей много, песец чувствует себя хорошо; когда же по какой-то причине количество лемингов на острове уменьшается, тогда песец начинает в поисках пищи уходить на льдины, откуда он не всегда возвращается обратно. Оглобившись, льдина уносит песцов в море, где они и погибают. Так на вторую зиму было мало мышей и мало песцов.

За три года охотникам удалось убить 540 песцов.

На белых медведей самая горячая охота — осенью. С наступлением зимы медведицы зарываются в берлоги, а самцы-медведи уходят в море на льдины. Весной медведицы выходят из берлоги, и тогда охота снова начинается.

Полярного медведя трудно свалить одной пулей, но и раненый он никогда почти не бросается на человека. Лишь когда врангелевские охотники убили медвежонка и неосмотрительно повесили снятую с него шкуру на палатке, в их отсутствие медведица-мать изорвала палатку в клочья.

Убитому медведю эскимосы воздают почести. Расстилают перед ним оленью шкуру и на ней раскладывают лакомства: чай, хлеб, табак, сахар. Затем шкуру медведя вносят в юрту и начинается пир. В продолжение трех-пяти дней эскимос-охотник сидит перед своей добычей и, ударяя в бубен, рассказывает сказки. Это в самый-то разгар охоты! Много трудов стоило Ушакову убедить эскимосов по крайней мере сократить эти убыточные поминки. За три года охотникам удалось убить более 200 больших белых медведей.

Охотники обязаны сдавать всю продукцию своей охоты — шкуры убитых зверей, моржовые клыки, бивни мамонтов — в склад Госторга на острова. Расплата производится по желанию охотников — деньгами или продуктами.

В 1927 г. на остров прилетели два советских самолета. Они доставили островитянам газеты и письма. Посланное в 1928 г. на остров Врангеля судно „Кольма“ не дошло до острова. Так как с островом не было никакой связи, то появились опасения за судьбу колонистов. Тогда решено было отправить на выручку колонистов ледорез „Литке“. „Литке“, выйдя из Черного моря, обогнул с юга весь материк Азии и осенью 1929 г. вошел в Берингово море.

„ЛИТКЕ“ НА ПУТИ К ОСТРОВУ ВРАНГЕЛЯ.

Пройдя 4 августа Берингов пролив и войдя в Полярное море, „Литке“ 7 августа уже оказался в непроходимых льдах. 9 августа льды раздвинулись. „Литке“ пошел вперед, и мы увидели вершины островов Геральда и Врангеля. Редкий по яркости полярный солнечный день осветил голубые льды.

9 августа остров Врангеля был от нас в 35 километрах, но подошли мы к нему только через 20 дней. В продолжении этого 20-дневного дрейфа во льдах с каждым днем путь „Литке“ становился все изломаннее и путаннее. В кают-компании мозолили глаза мешки с галетами и консервами, приготовленные на тот случай, если бы пришлось бросить раздавленное судно. Эти долгие дни напоминали игру в жмурки. В окружающем нас густом тумане мы вертелись на одном месте. Когда порой туман поднимался, ненадолго показывался остров Геральд и всегда не с той стороны, где нам казалось он должен был быть. Почуя землю, 40 лаек на борту „Литке“ подняли дикий вой.

После многих неудачных попыток пробиться через лед с юга к острову Врангеля, стоивших тяжелых повреждений ледорезу, мы вдруг вышли на „дорогу“. Правда, путь этот (на север от Геральда) не пользовался хорошей репутацией у полярных мореплавателей. Идущее здесь течение могло нас протащить к северу, но мы пошли на риск и вышли к острову Врангеля.

На исходе бессонной полярной ночи открывшийся берег показался до жути неприветливым. Мы вошли в бухту

Роджерса. Пять голых холмов. Даже на очень близком расстоянии остров казался необитаемым. Волнуясь, обыскивали мы в подзорную трубу берег и наконец нашли одинокий домик и поодаль пакгауз.

Весь экипаж был на палубе, охваченный радостным волнением. На берегу возле двух домиков взад и вперед метались люди, приветствуя „Литке“ ружейными салютами.

Экспедиция на остров Врангеля. На снимке: выгрузка товаров для Якутской республики, привезенных из Владивостока в Колымский край. Выгрузка производится на берегу у села Нижнеколымское.

Сколько раз в тяжелые минуты борьбы со льдами казалось, что нам не дойти до острова Врангеля — не пустит Полярное море.

Что должны были испытать врангелевские колонисты, увидев советский корабль, первый за три года!

Заметив приближение к острову судна, они встревожились: не иностранное ли это судно?

В прошлом году, узнали мы потом, к острову подходило американское судно. Судно стало на якорь в бухте Роджерса. Подозрительное поведение судна и память о прежних попытках канадского правительства оккупировать остров Врангеля заставили начальника острова Ушакова вооружить колонистов, не исключая женщин и подростков.

Американское судно пробыло в районе острова Врангеля несколько дней и исчезло. Предполагая, что оно может вернуться, Ушаков, уезжая на охоту, предупредил, чтобы за ним немедленно послали, если судно снова приблизится к берегу. Не раз поднималась ложная тревога: принимали упавший метеор за ракету, пущенную со шхуны. Но канадцы не вернулись.

На острове Врангеля не было радиостанции. Не имея связи с островом, зная, что продовольствие было завезено на три года, что запасы кончались в нынешнем году, мы очень тревожились за судьбу колонии.

Допускалась возможность, что на острове Врангеля все перемерли от голода, и мы найдем лишь кладбище.

Но вот на борт „Литке“ один за другим поднялись островитяне. Правда, взволнованные, но отнюдь не напоминающие голодных, шатающихся от слабости людей. Вид у них пожалуй был лучше, чем у многих из нас, бывших на полярном судовом рационе. Колонисты имели положительно цветущий вид и были хорошо одеты.

За обедом врангелевские гости мало ели и наконец сознались, что они привыкли к свежему мясу: медвежьему, моржовому, свежей дичи. А наше мясо, правда, пахло.

ПОСЕЩЕНИЕ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ ЛЕДОКОЛОМ „ЛИТКЕ“ В 1929 г. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ.

Капитан Дублицкий, отпуская нас на берег, предупредил, чтобы мы далеко не заходили. Если начнется наступление льда, „Литке“ немедленно снимется с якоря. Отстать же от парохода — значило на годы остаться на острове.

Спустившись по веревочному трапу, перекинутому через борт ледореза, прыгаю в переполненную эскимосами байдару. Эскимосы-гребцы налегли на весла, и легкая байдарка из моржовой кожи, словно подхваченный течением бобовый стручок, понеслась к берегу.

Напротив меня в байдаре три островитянки с острова Врангеля с милovidными татуированными лицами. Одетые в меховые комбинации с длинными рукавами, опущенными росомахой, и с гостинцами за пазухой от наших моряков, они производят впечатление горбуний.

Вчера на рассвете, при входе в бухту Роджерса, с борта „Литке“ берег казался нам почти пустынным. Но сейчас, днем, подплыв ближе, я увидела на самом берегу целое поселение. Фасад главного дома был украшен красными полотнищами с надписями: „Да здравствует СССР“, „Добро пожаловать“, „Привет новой смене“. Вдали виднелся пакагауз и вправо от него юрты и балаганы для сушки мяса. В стороне, особняком, стоял крошечный домишко охотника Скурихина, одного из лучших охотников Камчатки. Скурихин поселился на острове одновременно со всей колонией в надежде на богатую охоту. Приехал сюда он с женой, которую эскимоски за ее особое дородство прозвали „Кувы-нак“, что значит „Сам-жир“. У Скурихина был раньше домик побольше, но минувшей зимой от неисправной печки он загорелся. Колонисты пережили жуткую ночь. Разраставшийся пожар грозил оставить всех без крова на пустынном острове.

НА ОСТРОВЕ.

Мы у берега. Гребцы, соскочив в воду, вытащили байдару. С особым чувством вступила я на врангелевскую землю. Путь к этому острову так еще труден, так рискован и неисследован, что, очутившись на нем, невольно чувствуешь себя маленьким Колумбом.

Первыми нас встретили на берегу ездовые собаки. К моему удивлению один из этих свирепых псов бросился ко мне с радостным визгом. Я признала в нем тотчас одну из

собак, привезенных с нами на „Литке“. На ледорезе я часто смотрела, как повар Петрик кормил ее сухой юколой. Полярным собакам полагалось давать не более половины рыбы один раз в день. Чаще кормить их нельзя, иначе они теряют работоспособность и выносливость.

На острове собаки фактории не уживаются с собаками эскимосов. Если одна из них рискнет забежать на чужую территорию, там мигом затевается отчаянная драка. Привезенные нами новые собаки заняли нейтральную зону.

КОЛОНИСТЫ.

Подхожу к домику, в котором три года прожили наши первые колонисты. Попадаю в суматоху спешных сборов к отъезду. Начальник острова Ушаков сдает дела прибывшему с нами товарищу Минееву.

В четырех комнатах дома, обставленных городской, привезенной с материка мебелью, помещались три семьи: начальник острова с женой, врач с женой и кладовщик Павлов с женой и двумя детьми. В комнате Ушакова много книг, микроскоп, коллекции, охотничьи принадлежности. Кухня общая.

Павлов с семьей решил не уезжать и остаться на острове: он родился и вырос на Чукотке, учительствовал в чукотских школах, и жизнь на острове для него ничего исключительного не представляет. У него двое здоровых ребят, один из них родился уже здесь, на острове Врангеля. Комната его больше похожа на юрту. Жене Павлова, Анне, редко удается водворить в ней порядок, так как у Павловых постоянно останавливаются и гостят эскимосы, живущие в других концах острова.

Зимой дом заносило доверху снегом; к крыльцу приходилось вырубать снежный коридор. Окна не откапывались. В полярные ночи, продолжающиеся несколько месяцев, они не нужны. Отапливались углем, воду добывали, растапливая снег. Самые обычные домашние работы в полярных условиях требуют непомерных усилий. Чтобы выстирать

белье или сделать ванну, надо раньше натаскать горы снега. Жены наших работников, не подготовленные к жизни на полярном острове, все же сумели ко всему применить: приучились есть моржовое и медвежье мясо и переносить жестокою полярную стужу.

Более всего забот и дел выпало конечно на долю единственного коммунара на острове, начальника Ушакова. Ушаков был раньше деревенским избачом в Сибири, работал затем в Госторге, а когда набирались колонисты на остров Врангеля, вызвался поехать туда. Привлекала его неисследованная еще полярная природа. За три года жизни на острове он составил карту, вел наблюдения над состоянием льдов, собрал ценные коллекции полярных птиц и насекомых и составил гербарий. В то же время ему приходилось вести и большую культурно-просветительную работу среди эскимосов, бороться с влиянием шаманов.

ЭСКИМОСЫ.

Врангелевские эскимосы — из залива Провидения на Чукотке. В Провидении плохая охота. Беднейшие семьи охотно согласились в 1926 г. переселиться на остров Врангеля. Они приехали на остров ничего не имея, но фактория открыла им кредит. Они получили меха и постели, брезент для палаток, одежду, ружья, огнестрельные припасы и продовольствие. За три года удачливым охотникам удалось почти полностью покрыть свою задолженность. Охота на острове идет круглый год. Охотники-эскимосы считают, что убитый зверь принадлежит тому, кто его первый заметил, а не тому, кто убил его.

Эскимосы очень суеверны, и это плохо отражается на охоте. Если охотник заметит, что морж зевнул, то немедленно возвращается домой, какая бы ни была погода, считая, что это — дурное предзнаменование.

Из эскимосов лучший охотник на острове — Паля. Както Паля вместе со стариком отцом отправился на охоту на моржей. Начался шторм, и охотников унесло на льдине

в океан. Гибель казалась неминуемой. Отец Паля, шаман, помолившись богу, объявил, что боги требуют его смерти и Паля должен поэтому застрелить его. Паля любил отца, но должен был исполнить его волю. В конце-концов льдину с Палей и трупом его отца прибило к берегу.

Эскимосы-старики обычно не умирают естественной смертью. Заболев, старики выражают обычно желание принять смерть от „любящих рук“, и близкие не смеют ослушаться. Обряд удушения происходит очень торжественно и сопровождается угощением. Присутствовать на нем могут близкие родственники старика¹.

В ЮРТЕ ТАЯНА.

Заглянув как-то во время пребывания на острове в юрту наиболее просвещенного эскимоса — Таяна, я застала его семью за утренним завтраком.

Как и все эскимосские юрты, юрта Таяна была покрыта моржовой кожей. Внутри юрты имелся еще шатер из оленьих шкур, который служит эскимосам общей спальней. Зимой шатер отапливается светильниками. Светильник (ээк) — каменная чаша с фитилем из моха, плавающим в моржовом жире. Он дает ровный и мягкий свет. Женщинам все время приходится мох поправлять.

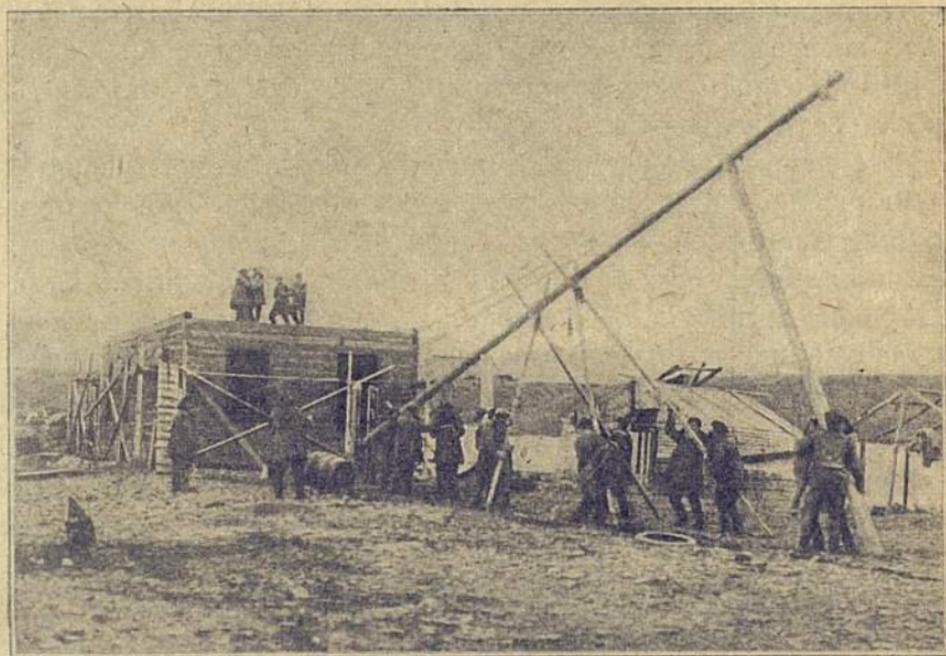
Холодная часть юрты служит складом охотничьих принадлежностей, домашней утвари и кухней.

Большая семья Таяна еще нежилась в общей постели. И лишь одна из женщин приготовляла чай на примусе. Эскимосы спят в юрте совершенно голыми. Несколько голов высунулось из-под полога и следило за приготовлениями чая. Женщина накропила на деревянном блюде моржовое мясо, перемешала его с жиром и, разлив чай в чашки и жестянки из-под консервов, заменяющие недостающую посуду, поставила завтрак перед самым пологом.

¹ С такими обычаями т. Ушаков повел решительную борьбу.

Окончив завтрак, мужчины и женщины принялись одеваться, не проявляя при этом ни малейшей стыдливости.

Обычно в юрте эскимосы снимают с себя всю одежду. Мужчины остаются совершенно голыми, а женщины — в кожаных трусиках, напоминающих купальные. Выходя наружу, они надевают меховые комбинации с широким во-

Советская колония на острове Врангеля. На снимке: подъем радиомачты.

ротом, но как бы ни было холодно, они всегда для свободы движения оголяют одно плечо и руку.

Большинство врангелёвских эскимосов научились говорить по-русски, а некоторые умеют даже писать и читать. Эскимоска Ингаля оказалась способной портнихой и обшивает всю колонию. Эскимосы вообще очень сообразительны, быстро научаются управлять моторным вельботом, пользоваться компасом и биноклем. Бинокль старается приобрести каждый мало-мальски состоятельный эскимос.

Особые способности проявляют эскимосы к рисованию. Одежду и обувь их украшают изящные вышивки. На моржевых клыках встречаются интересные рисунки, отражающие различные моменты из жизни эскимосов.

ОТЪЕЗД.

Немногие дни, проведенные нами на острове, проходили в торопливой лихорадочной работе. Все чувствовали себя, как на фронте в ожидании внезапного отступления. Пропустившие нас льды каждую минуту могли нас окружить и запереть на годы в полярной бухте.

На берегу кипела строительная горячка. Встревоженные чайки с пронзительными криками кружились над быстро воздвигавшимися новыми постройками. Строители сбрасывали полушубки и поминутно отирали пот с лица. День был совсем летний. Перекликались мотористы, то и дело подвозившие с „Литке“ всевозможные грузы. Под конец из кают-компаний были извлечены даже мягкие кресла и оставлены на память новым поселенцам.

Дом, радиостанция, баня и новый пакгауз были уже почти готовы.

Из широких окон выросшего в несколько дней нового большого дома открывался студеной простор Северного Полярного моря.

НА ЗЕМЛЕ ФРИТЮФА НАНСЕНА.

ОТКРЫТИЕ ОСТРОВОВ.

Далеко на север от Баренцова моря расположились острова под названием Земля Фритюфа Нансена.

Впервые эти острова¹ были открыты Австро-венгерской экспедицией Пайера и Вейпрехта в 1873 г. Экспедиция отправилась в Северное Полярное море, чтобы пройти вдоль берегов Европы и Азии и выйти в Берингово море.

¹ Они лежат между 79° 45' и 82° 15' северной широты и между 420° и 63° восточной долготы. Площадь их около 20 000 квадратных километров.

„Назад никогда“ Эпизод из австрийской экспедиции 1872—1874 гг.

На собранные по подписке деньги было куплено судно „Тегетгоф“, которое в 1872 г. вышло в море.

Состояние льдов было неблагоприятно, и судно после 10 недель плавания было заперто в льдах. Вместе со льдом корабль медленно подвигался к северу, а через год, т. е. в 1873 г., перед изумленными путешественниками открылась до тех пор неизвестная земля. Она была покрыта льдом. Экспедиция выяснила, что земля представляет архипелаг, изрезанный узкими заливами — фьордами.

Так как „Тегетгоф“ уже два года стоял во льдах и не было никакой надежды на его освобождение, то экипаж в 1874 г. покинул его. С огромнейшими трудностями на 96-й день люди достигли на санях и шлюпках Новой Земли. Отсюда помор Федор Воронин доставил экспедицию на своем паруснике в Норвегию.

После того на вновь открытый архипелаг неоднократно снаряжались иностранные и русские экспедиции. Условия плавания у берегов очень тяжелы. До последнего времени считалось, что этот полярный архипелаг не каждый год доступен для судов.

В 1923 и 1926 гг. к архипелагу подходило советское судно „Персей“, а в 1927 г. — „Зарница“. В 1928 г. ледокол „Красин“, посланный на поиски экспедиции Нobile, подходил к островам, на мысе Ниль был поднят советский флаг и было оставлено депо с продовольствием и снаряжением. Там же был оставлен лес для постройки небольшого дома.

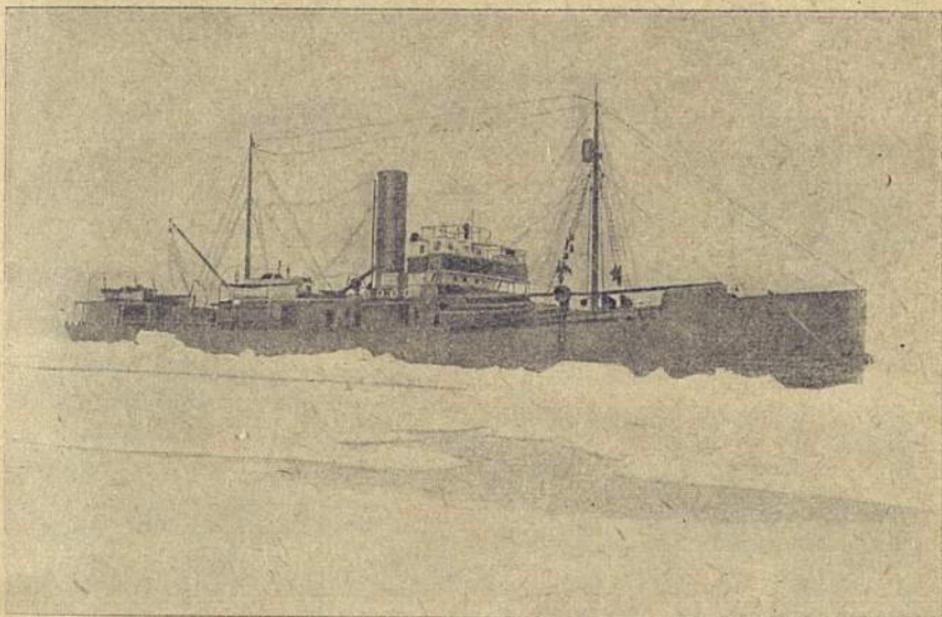
ПРИБЫТИЕ ЛЕДОКОЛА „СЕДОВ“.

Летом 1929 г. была снаряжена на Землю Фритиофа Нансена экспедиция для устройства здесь радиостанции и геофизической обсерватории.

Экспедиция вышла на ледоколе „Седов“ из Архангельска, держа курс прямо на север. 25 июля „Седов“ вошел в густой лед, и с этого дня началась тяжелая борьба со льдом. Порою среди льда совершенно не было видно чис-

той воды, — лед покрывал море сплошной массой. „Седов“ действовал разбегами. Километр за километром он разбивал ледяные перемычки толщиной в 2—3 метра.

Только через 8 дней со дня выхода из Архангельска показалась наконец на горизонте земля. Это было южное побережье острова Гукера. Здесь в торжественной обстановке был поднят флаг СССР.

Экспедиция на Землю Фритиофа Нансена на ледоколе „Седов“. На снимке ледокол „Седов“, затертый льдами.

Остров Гукера был признан наиболее удобным местом для постройки радиостанции. 2 августа началась выгрузка строительных материалов.

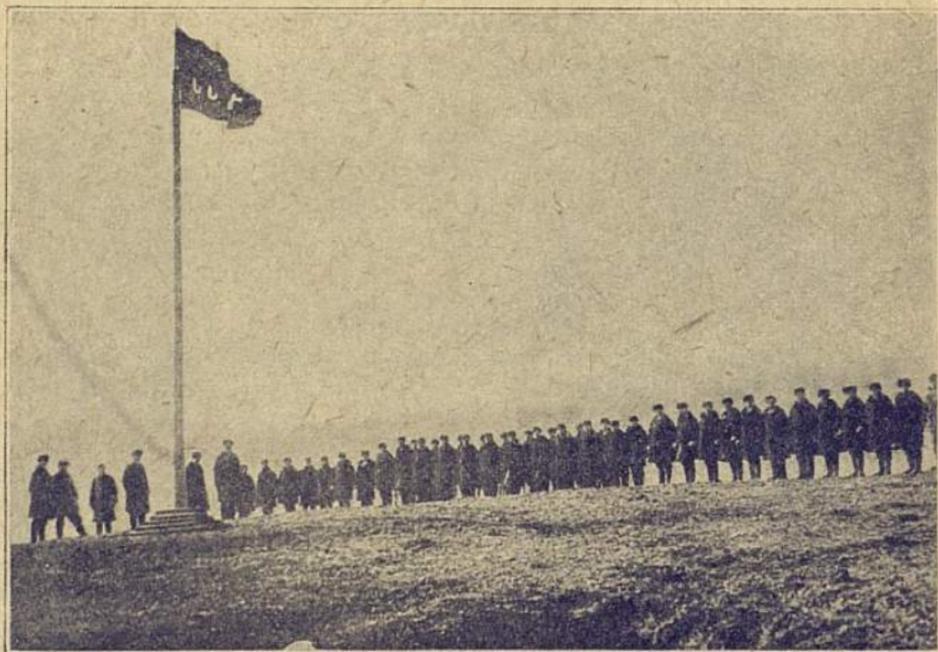
ВЫДАЮЩАЯСЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОБЕДА.

3 сентября. По радио:

„Слушайте все, весь мир, говорит новая советская радиостанция на Земле Фритиофа Нансена. Завтра открывается

самая северная полярная колония, там, несмотря на поздний час, никто не спит...”

Передача окончена. Станция переходит на прием. Затаив дыхание, напряженно всматриваемся в хмурое лицо Кренкеля, стараясь, хотя и напрасно, разгадать содержание неясных звуков, доносящихся из плотно прижатых наушников.

Подъем советского флага.

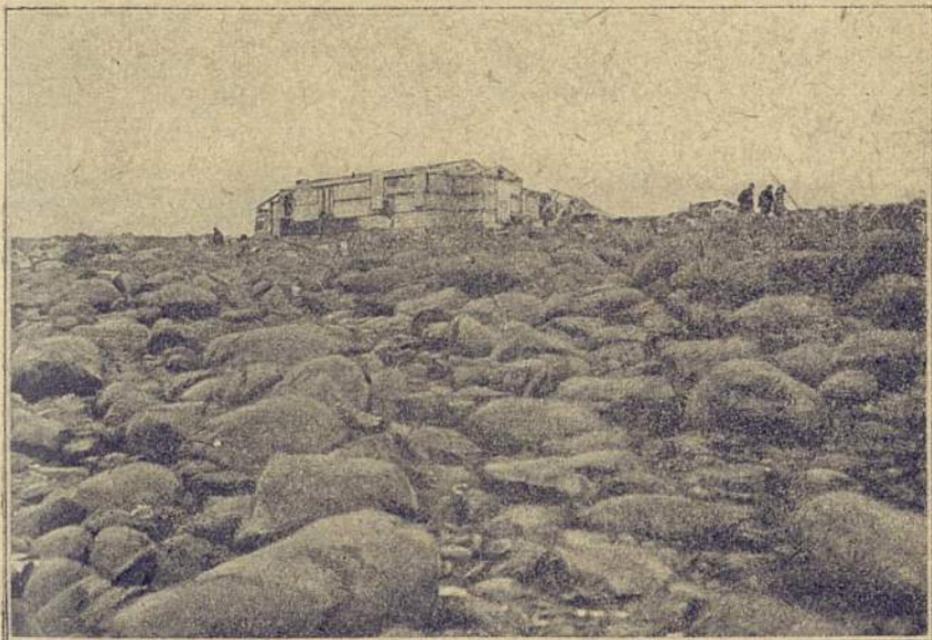
— Поймал! — возбужденно кричит он: — Любитель Евсеев из Нижнего-Новгорода дает свои позывные. Нас услышали!..

Немедленно в журнал вносится первая запись приема сигналов. Весело грянул марш, исполняемый граммофоном. В ответ яростно рывкнул хор остроносых умных самоедских лаек.

На утро приехали гости с ледокола — Шмидт, Визе, Самойлович и капитан Воронин. Мы прощаемся. Празднично

убранный „Седов“ гудками напоминает о необходимости выхода в море...

Тихо, словно нехотя, проходит ледокол вдоль берега, мимо новых строений, развевающегося красного флага, мимо маленького кусочка земли, который вдруг стал таким дорогим, близким... С берегов несется „ура“, мы отвечаем залпами винтовок и протяжными гудками.

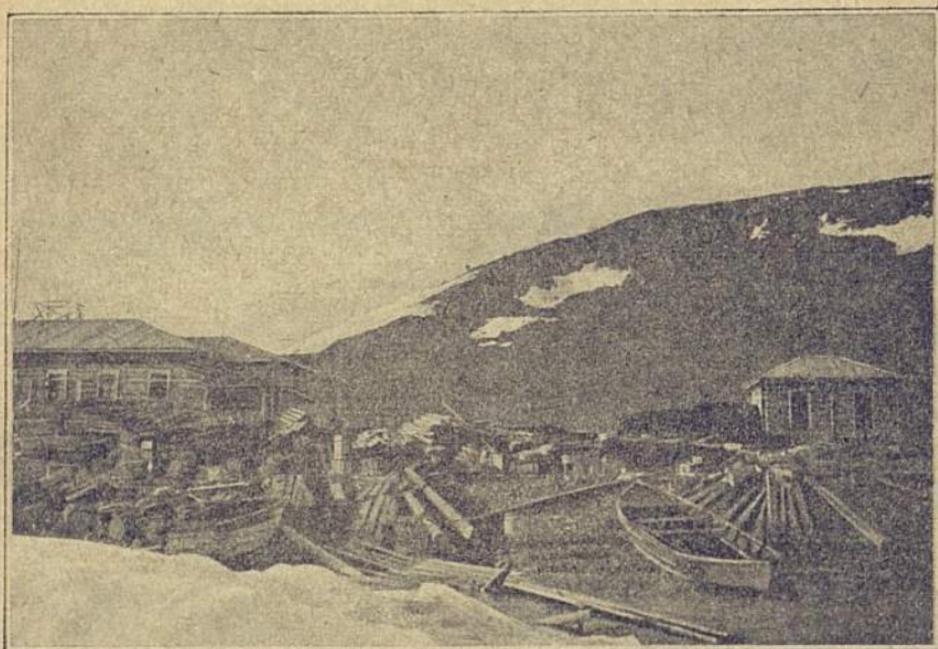
Экспедиция на Землю Фритюфа Нансена на ледоколе „Седов“. На снимке: Теплиц-бей-бухта. Здесь в 1903 г. погибло судно американской экспедиции. Участники этой экспедиции спаслись, перезимовав в хижине, которая видна на нашем снимке.

Медленно в сизой дымке тумана уплывают семь крохотных, машущих белыми платками фигур, оставшихся на острове...

Мы в Британском канале, по дороге к теплу, к далеким берегам Республики Советов.

Летом 1930 г. к Земле Фритиофа Нансена подошел опять ледокол „Седов“. Он привез снаряжение для расширения радиостанции, материалы для постройки скотного двора на десять коров и небольшой оранжереи, где будут производиться опыты выращивания растений.

„Седов“ забрал прежних зимовников и оставил здесь новую смену в 11 человек.

Экспедиция на Землю Фритиофа Нансена на ледоколе „Седов“. Слева — главный дом. На берегу — выгруженные материалы и снаряжение. На переднем плане — айсберг, сидящий на мели у берега.

От земли Фритиофа Нансена „Седов“ пошел навстречу „Сибирякову“, чтобы получить от него уголь и направиться к Земле Северной.

Земля Северная представляет собой группу островов, лежащих к северу от Таймырского полуострова. Эти острова еще не исследованы и не нанесены на карту. Преодолевая большие трудности, „Седов“ дошел до архипелага и оставил на одном из островов четырех зимовников, в их числе —

Г. А. Ушакова, зимовавшего три года на острове Врангеля.

Если в 1931 г. ледовые условия не позволят ледоколу подойти к Земле Северной и снять четырех смельчаков, они должны на собаках перейти по льду моря до Таймыра и затем спуститься к Енисею.

В северной части Карского моря Советской арктической экспедицией были открыты острова, из них один был назван островом Визе — именем участника экспедиции профессора Визе. На одном из островов Земли Северной, названном „Островом Сергея Каменева“ была поставлена радиостанция. Закончив высадку зимовщиков ледокол „Седов“ благополучно возвратился в Архангельск.

Зимовники на Земле Фритиофа Нансена. Радио-техник т. Кренкель, геофизик т. Шашковский, механик т. Муров.

РЕГУЛЯРНЫЕ РЕЙСЫ В УСТЬЕ ОБИ И ЕНИСЕЯ. КАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

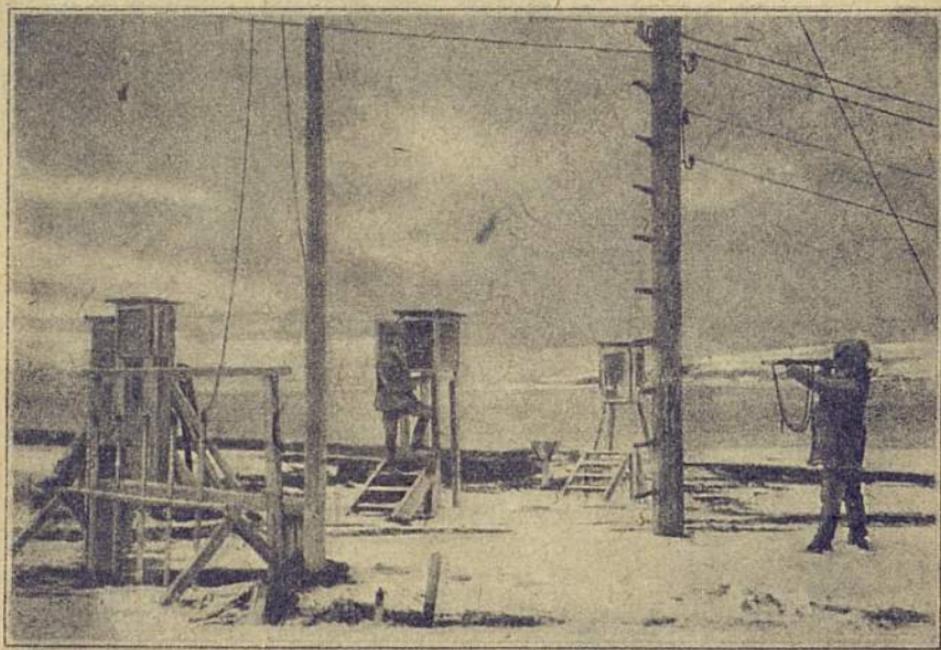
Великая задача — дать выход товарам огромного района Сибири по рекам Оби и Енисею на мировой рынок — осуществлена в наши дни. Начиная с 1927 г., приходят караваны иностранных и советских судов в устье Оби и Енисея. Здесь на речные суда перегружаются заграничные машины и нагружается на морские суда сибирский лес.

Если путь по Баренцову морю для судов не представляет особенных опасностей, то, когда они подходят к Новой Земле и должны войти в Карское море, начинаются трудности.

Большой остров Новая Земля состоит из двух частей, разделенных узким проливом под названием Маточкин Шар.

К югу от Новой Земли находится остров Вайгач, отделенный от Новой Земли проливом Карские Ворота.

Наконец остров Вайгач отделяется от материка проливом Югорский Шар.

Советский Север оживает. На снимке: наблюдения за движением льдов у Маточкина Шара на Новой Земле.

Таким образом морские суда из Баренцова моря в Карское могут пройти четырьмя путями: Маточкиным Шаром, Карскими Воротами, Югорским Шаром или обогнув Новую Землю с севера.

На Карском море круглый год держатся льды. Навигация может осуществляться лишь в течение 2—2½ месяцев (август — сентябрь). К этому времени зимний лед, подтаявший от летнего тепла, разрушается силой ветра и мор-

ских течений. Его значительно меньше, чем зимой. Под влиянием ветров и течений он находится в постоянном движении, образуя местами обширные пространства чистой воды, вполне доступные для мореплавания.

Как узнать, каким из вышеназванных путей итти судам из Баренцева моря в Карское или обратно? Какой из проливов не загроможден льдами?

Для наблюдений за состоянием льдов и атмосферы в Карском море построены гидро-метеорологические и радиостанции. В настоящее время таких станций на Карском море 7. Они ведут наблюдения за льдами в течение всего года и по радио передают их в Ленинград и другие большие центры Советского Союза. Из этих сообщений делается

Карты Карского моря с островами и проливами.

сводка и устанавливается путь для судов Карской экспедиции. В трудных местах пути экспедицию сопровождает ледокол и на разведку посылается аэроплан.

Благодаря всем этим мерам суда Карской экспедиции благополучно проходят часть Северного морского пути до устья Оби и Енисея и возвращаются обратно.

Полярная экспедиция „Красна“ в 1929 г. На снимке: воздушная разведка. Самолет Чухновского подходит к „Красину“.

В 1927 г.	проведено судов	6
„ 1928 г.	„ „	8
„ 1929 г.	„ „	26
„ 1930 г.	предполагается провести .	45—50
„ 1933 г.	предполагается провести . .	150

В 1929 г. суда были разделены на три каравана и проходили по очереди. Чем это вызвано? Чтобы быстро разгрузить и потом так же быстро нагрузить большое коли-

чество морских судов, порты должны иметь длинную причальную набережную и большие механические разгрузатели. К устройству таких портов в настоящее время приступлено. Поэтому в ближайшие годы явится возможность провести намеченное по плану большое количество судов Карской экспедиции.

ИГАРКА.

Слышали вы что-нибудь об Игарке?

Можно сказать, что это название до наших дней едва ли кому было известно. Но теперь его нужно знать, как знаем мы наши северные порты — Архангельск и Мурманск.

Если взять очень подробную карту нижнего течения реки Енисея, то за полярным кругом, несколько севернее 67 параллели мы прочитаем напечатанное очень мелким шрифтом — „Игарское“.

Вот в это Игарское в июне 1929 г. высадились партия рабочих. Берега были еще покрыты снегом. Баржа с рабочими вышла из Красноярска вниз по Енисею вслед за тронувшимся льдом. Прибывшие встретили на берегу лишь одного юрака¹ с оленем.

За два месяца героической работы был расчищен и повален на берегу лес, выкорчеваны пни. Тайга отступила на несколько километров от Енисея. Началось портовое и заводское строительство: разбивка улиц будущего города и грандиозного морского порта.

Строительство порта протекало в чрезвычайно тяжелых условиях. Чтобы поставить электрическую станцию, нужно было вырыть две с половиной тысячи кубометров мерзлой земли. В вечную мерзлоту, не оттаивающую под покровом мха даже в самое жаркое лето, кувалдами вгоняли железные клинья, — так рыли котловину для фундамента.

Под верхними слоями почвы находили пласты чистого льда в метр толщиной. Зимой морозы доходят здесь до 60° при сильной пурге и снежных заносах.

¹ Юраки — немногочисленное племя, родственное самоедам.

Но героический труд преодолевает все. В Игарке отстроен двухрамный лесопильный завод. Завод будет получать лесоматериалы сплавом из притоков Енисея. Зимой 1929/30 г. он начинает работать. В Игарке на полярную зимовку остаются 300 рабочих.

Почему же советское правительство остановилось на постройке порта в Игарском?

От берегов Карского моря до Игарского более 800 километров, однако к Игарскому могут подходить океанские пароходы и останавливаться у самого берега. Таким образом Игарское — внутренний морской порт.

Внутренние морские порты, дающие возможность большим океанским пароходам проникать далеко внутрь страны, имеют в настоящее время огромную ценность. Если природа не дарит такого порта стране, то его создает государство с огромными затратами. Соединенные штаты Северной Америки имеют величайший на земле внутренний морской порт на озере Верхнем — Дюлют-Супериор, а Германия создала на Рейне Дюисбург.

Еще долго быть может Игарское стояло бы с одним юраком и одним оленем... Но созидательная рука рабочего государства превращает это место в порт, которому предсказывают блестящее будущее. Причальная линия в Игарке строится в таком размере, чтобы принять сразу 200 морских пароходов. Уже сейчас проектируется проведение от Игарского железной дороги на 240 километров к Норильским каменноугольным копям, где запасы угля исчислены в 350 миллионов тонн! Этот уголь избавляет суда Карской экспедиции от необходимости закупать уголь за границей. Этот уголь обеспечивает топливом заводы, которые будут здесь строиться. Индустриализация полярного Севера началась.

АВИАЦИЯ ПОБЕЖДАЕТ СЕВЕР.

Успехи советской авиации в покорении Севера поистине удивительны. Они достигнуты в кратчайший срок — за пять последних лет.

С 1925 г. по 1930 г. совершены следующие полеты:

1. Ленинград — Архангельск — Новая Земля — Ленинград.
2. Мыс Северный — Остров Врангеля — устье Лены — Иркутск.
3. Иркутск — Якутск — постоянное воздушное сообщение.
4. Красноярск — Дудинка ¹.
5. Розыски экспедиции Нобиле.
6. Уэлен — Мыс Северный — остров Врангеля.
7. Мыс Северный — Нижнеколымск — Ляховские острова ² — Казачье-Булун ³.
8. Уэлен — устье Лены.
9. Самолет сопровождает Карскую экспедицию.

На очереди следующие полеты:

1. Ленинград — Архангельск — Новая Земля — Земля Фритиофа Нансена.
2. Ленинград — Югорский Шар — Диксон — Северная Земля.
3. Ленинград — Диксон — Булун — Уэлен.
4. Омск — Обдорск.
5. Красноярск — Диксон.
6. Иркутск — Булун — Уэлен.

И недалеким кажется то время, когда наш Север покроется сетью метеорологических, радио- и авиостанций и будет установлено регулярное воздушное сообщение между недоступными до сих пор местностями.

ЧТО ДАЕТ НАМ ИЗУЧЕНИЕ АРКТИКИ.

Ученые установили, что Арктика дает ключ к пониманию и предвидению погоды для всей северной половины Советского Союза. Поэтому на побережьях и островах Полярного моря строится сеть метеорологических и радиостанций.

¹ Дудинское на реке Енисее, несколько севернее 69 параллели.

² Ляховские острова — к югу от Новосибирских островов.

³ Булун — близ устья Лены.

Радиостанции, сообщая данные о погоде и движении льдов, в то же время обслуживают караваны Карской экспедиции. Пробуждается к жизни Сибирь и открывает свои богатства, лежавшие тысячи лет нетронутыми.

По мере того как на побережьях и островах Полярного моря поселяются теперь люди, начинает развиваться охота на морских зверей, рыболовство и разведение пушных зверей.

Льды Арктики, страшные при первой встрече, оказываются не столь негостеприимными после внимательного научного изучения. В значительной степени освоены остров Новая Земля, Чукотский полуостров, частью Таймыр, остров Врангеля. Начато освоение Новосибирских островов и Земли Фритиофа Нансена. На очереди Северная Земля и большие острова к северу от Сибири. А затем и все ледяное море до полюса.

Малые народности, населяющие наш далекий Север, получают новые места для разведения оленей, для охоты на морских и пушных зверей. Советский Союз проявляет заботу о поднятии культуры среди них.

Через Северное Полярное море лежит кратчайший путь из Европы в Америку. Перелет Амундсена показал возможность воздушного сообщения между этими материками. Перелет на цепелине, который организует общество „Аэроарктика“, является первым практическим шагом для установления регулярного воздушного сообщения.

Только благодаря сети станций в Арктике и тщательному изучению метеорологических явлений и состояния льдов такие воздушные полеты становятся возможными.

1944 г.

Р. АКТ № С-129/57

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

За Южным Полярным кругом.

1. Охота на китов. По *Нильсену* „Через тропики в Южное Полярное море“
2. На крайнем Юге. *То же*

За Северным Полярным кругом.

3. Встреча с „любителем авиации“. По рассказу летчика *Бабушкина*.
4. У побережья Мурмана и Белого моря. *С. Дмитриев*
5. Неделя на острове Кильдине. По рассказу *М. Денисовой* из журнала „Карело-мурманский край“
6. На ледокольном пароходе „Сибиряков“. По *М. Зингеру*, „Известия“.
7. Арктика. По кн. *Бабушкина* и *Островского* „Над вечными льдами“.

В борьбе за полюсы.

8. Путешествие к Северному полюсу. Роберт Пири. По *С. Мен*
9. Путешествие к Южному полюсу. Роальд Амундсен. *То же*
10. Первый перелет через Северное Полярное море. *С. Дмитриев*

Успехи советских ледоколов и авиации.

11. Гибель итальянского дирижабля „Италия“.
12. Шаги смерти. Из книги *Эм. Миндлина* „На Красине“
13. Красные звезды. По *Эм. Миндлин* „На Красине“
14. Судьба остальных участников экспедиции — *Нобиле* и *Амундсена*. *С. Дмитриев*

Наступление на Арктику.

15. Советские экспедиции в „ледяные пустыни“. *С. Дмитриев*
16. Три года советской колонии на острове Врангеля. По сообщениям в „Известиях“ и по докладу *Г. А. Ушакова*
17. Посещение острова Врангеля ледоколом „Литке“ в 1929 г. По *З. Рихтер*, „Известия“
18. На Земле Фритиофа Нансена. По сообщениям в „Известиях“
19. Регулярные рейсы в устье Оби и Енисея *С. Дмитриев*
20. Игарка. *То же*
21. Авиация побеждает Север. *То же*
22. Что дает нам изучение Арктики. — *То же*

31-15

59-2a

2

